

на грани:

роман-исповедь

ТРЮДЕ ТЕЙГЕ

18+

ДЕВУШКА, ПЕРЕСТАВШАЯ ГОВОРИТЬ

Почему ты молчишь, Сиссель?

Annotation

Молодая девушка Сиссель Воге перестала разговаривать много лет назад. Однажды утром ее обнаруживают мертвой в собственном доме, спустя год после убийства ее отца, раскрыть которое полиции так и не удалось. А еще через несколько дней бесследно исчезает ее ближайшая соседка – четырнадцатилетняя Туне.

Страшное и трагическое прошлое Сиссель неожиданно становится ключом к ее поискам, несмотря на то, что теперь девушка замолчала уже навсегда.

Трюде Тейге

Девушка, переставшая говорить

Trude Teige

Jenta Som Sluttet Å Snakke

Copyright © 2014, H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS.

© 2014 by Trude Teige

© Ткаченко М. В., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

1

Это случилось прямо перед тем, как Кайса Корен свернула на выезд из Лусвики, пройдя последний дом в деревне. Вдруг она услышала крик. Женщина вышла на лестницу, возбужденно размахивая руками, перегнулась через перила и сплюнула.

Кайса втокнула коляску в ворота на посыпанную гравием заросшую дорожку. Она гуляла с коляской, чтобы Юнас уснул. Хныканье стихло, но он лежал, все еще моргая и смотря вверх на облака, быстро плывущие по небу в этот ветреный последний день ноября. Кайса быстро поставила коляску на тормоз и поспешила к женщине.

Кайса знала, что живущую здесь женщину зовут Сиссель Воге и ей чуть за тридцать, но на лестнице стояла не она. Это была соседка, Бенте Рисе.

– Что происходит? – спросила Кайса.

– Звони... звони в полицию, – всхлипнула она. – Сиссель.

– Что с ней?

Бенте большим пальцем показала на открытую входную дверь за спиной и зажала рукой рот и нос. Теперь и Кайса почувствовала: гнилое, похожее на запах канализации зловоние, сочившееся вместе с теплым воздухом из дома.

– Я думаю, она мертва, – сказала Бенте, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Присмотришь за Юнасом?

Бенте кивнула, и Кайса медленно вошла в коридор. В доме стояла тишина, особая тишина пустого дома. Запах стал резче, в носу защипало, она постаралась сконцентрироваться, чтобы дышать ртом, и на языке появился отвратительный привкус гнили.

Она вошла в кухню. Пусто.

Большинство старых домов в деревне имело одинаковую планировку: из коридора дверь в кухню, дверь между кухней и гостиной рядом, там дверь в парадную гостиную, и оттуда можно снова выйти в коридор.

Кайса продолжила путь через кухню и остановилась в дверном проеме в гостиную. Во рту ужасно пересохло.

Прямо у ее ног было большое пятно засохшей крови. И маленький белый крест на стене весь в крови. В кресле у окна спиной к Кайсе сидела женщина.

Кайса натянула на лицо ворот тонкого эластичного свитера поло и зажала нос, перешагнула кровь на полу и двинулась мимо большого зеленого растения и вокруг стола, чтобы рассмотреть лицо женщины.

Проверять ее пульс было совершенно лишним.

Из открытого рта торчал кончик языка темного неестественного цвета. Голова немного наклонена набок, лицо почти повернуто к спинке стула. Глаза безжизненно уставились в окно, взгляд застыл в мгновении, которого больше нет. На щеке у нее было большое лилово-красное пятно в форме перевернутого сердца: узкое у виска, оно расширялось вниз, заканчиваясь у уголка рта. Ее руки с безжизненно свисающими кистями лежали на подлокотниках. Она выглядела удивленной, как будто не могла поверить, что и вправду умерла.

Пахло так, как бывает, когда в результате наступившей смерти мышцы, содержащие жидкости тела и рефлексы, теряют силу. Этот запах ассоциировался у Кайсы с рыбьими потрохами, оставшимися гнить на пристани после того, как из рыбацких лодок выгрузили улов на землю.

Маленький столик около стола был перевернут. Пара очков и журналов «Женщины и мода» лежали на полу.

Кайса стояла и смотрела на женщину с отвращением и удивлением одновременно. Умершая была одета в длинное черное платье из плотного блестящего шелка с глубоким декольте. Распушенные волосы приподняты маленькими заколками. Осветленные, потому что вдоль пробора были видны отросшие темные корни. На шее – золотая цепочка с крестиком, в ушах большие жемчужные серьги. Глаза сильно накрашены, на губах все еще были видны следы красной, потрескавшейся помады. Узкое лицо, длинный нос с маленькой горбинкой прямо под переносицей, тонкие губы, высокие скулы. Живот вздулся, труп, очевидно, пролежал здесь уже какое-то время, а при жизни она, должно быть, была долговязой и худой.

Сиссель Воге была одета празднично и была бы красивой, если бы не синий изогнувшийся язык, выпученные потухшие глаза и выражение лица, от которого Кайсу замутило еще больше. Тошнота бурлящим потоком поднималась от желудка, нарастала сильнее и сильнее и подступала к пищеводу. Кайса тяжело сглотнула.

Представшее перед ней вызвало ассоциации с пострадавшей от вандализма картиной, как будто кто-то вошел и разорвал холст.

Она огляделась вокруг. Гостиная была старомодной, с изношенной мебелью, но все было чисто и прибрано. На подоконнике лежали Библия и бинокль. Вдоль стены стояло старое черное отполированное до блеска пианино. Кайса подошла взглянуть на ноты и нотную доску. Кристиан Синдинг, «Шелест весны». Для продвинутого уровня, подумала Кайса, она сама играла на пианино. «Удачи, всего наилучшего, Е.» – было нацарапано в одном из верхних углов. Или, может быть, это буква «Г», она не была уверена. На крышке пианино лежала стопка записных книжек.

Кайса растегнула молнию на куртке. Воздух был невыносимо горячим, душным и давящим. Маленькая красная лампочка светила из масляного обогревателя, стоявшего рядом у двери. Вокруг головы Сиссель громко жужжал рой мух. Некоторые залезали в ушные

проходы, ноздри и глаза.

Кайса прижала ворот свитера к лицу, вдыхая запах духов, чтобы сдержать тошноту.

Дверь в парадную гостиную была приоткрыта. Кайса толкнула ее локтем, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Затем вынула из кармана мобильный и позвонила в полицию, оглядывая комнату.

Огромный рождественский кактус в полном цвету стоял на черном постаменте. Его побеги свисали под тяжестью красивых ярко-розовых цветов. На диване лежала стопка женской одежды. Все выглядело новым и современным. На некоторых вещах еще были бирки с ценой. В пакете на полу Кайса разглядела несколько игрушек, погремушку и разномастные фигурки животных.

На журнальном столике тоже лежала аккуратно сложенная одежда. Кайса вытащила маленький комбинезончик, на бирке был указан размер «50», для новорожденного. Вся одежда на столе была белого и голубого цветов.

Одежда для маленького мальчика.

Кайса хорошо знала участкового Уле-Якоба Эггесбё. Карстен, ее гражданский муж, работавший в Управлении уголовной полиции, сотрудничал с ним во время расследования по делу об убийстве немца два года назад, где она сама сыграла большую роль в раскрытии дела. «Убийством немца» это дело назвала пресса, так как оно началось с убийства немецкого туриста. Позже речь шла уже о нескольких убийствах.

Эггесбё быстро огляделся в комнате, остановился перед Сиссель, несколько секунд, сузив глаза, рассматривал ее, затем выудил мобильный.

«Врачу звонит», – решила Кайса из его последовавшего разговора.

Темнокожий полицейский, которого она раньше не видела, остался стоять у двери. Обеими руками закрывая нос и рот, он едва кивнул ей и не выказал никакого желания подходить к труп. Кайса предположила, что полицейскому около двадцати пяти лет.

Эггесбё выглядел более спокойно, чем когда-либо, разговаривая по телефону.

– Да, в том же доме, это дочь проповедника, – услышала Кайса его слова.

Тяжелые нижние веки переходили в отечные мешки под глазами. Он был маленького роста и квадратный, как шкаф. Инфаркт полгода назад явно не способствовал его похудению. Кайса отметила, что он отпустил бороду. Она была с проседью, как и густой короткостриженный ежик на голове.

Через десять минут появился врач, в то время пока Кайса стояла на лестнице вместе с Бенте Рисе и рассказывала Эггесбё, что произошло. Кайса видела врача неделю назад, когда у ее дочери Теи заболели уши. Его звали Густав Берг, и он жил в Лусвике, но сам был не отсюда.

Эггесбё и врач вошли в дом, и Кайса проследовала за ними.

Берг перешагнул через кровавое пятно. Было в том, как он двигался, рассматривал труп, надевал латексные перчатки и осматривал Сиссель, что-то, говорившее Кайсе, что эта ситуация не была для него непривычной. Когда она заметила это ему, он ответил, что работал ассистентом в Институте судебной медицины в студенческие времена и подумывал стать патологоанатомом.

– Теперь иди, Кайса, – сказал Эггесбё. – Мы можем поговорить после.

– Да-да, – ответила она, но осталась стоять на месте.

У большинства журналистов, которых она знала, как будто происходило нечто похожее

на короткое замыкание, когда они были на работе. Их реакция была прямо противоположной естественной в драматичной или неприятной ситуации. Они становились холодными, дистанцировались сильнее, чем это присуще большинству людей. Как будто оснащенные фильтром морали, журналисты устанавливали дистанцию с реальностью, вытесняя свои собственные чувства.

Именно так ощущала себя Кайса, наблюдая, как Берг исследует труп.

– Вот как, – пробормотал он, потрогав руки и ноги. – Уже прошло смертное окоченение.

Было что-то будничное в его рутинных движениях и интонациях, словно он просто навещал больного, несмотря на пронизывающую вонь мочи, испражнений и гниющего трупа. Как будто газ проникает через поры в кожу, остается на слизистой оболочке в носу, рту и глазах, затрудняя дыхание и затуманивая взгляд.

– Сколько времени она мертва? – спросил Эггесбё у врача, одновременно окинув Кайсу испытующим суровым взглядом и слегка указав головой в сторону двери.

Кайса кивнула, но по-прежнему не последовала просьбе.

– Сложно сказать точно, – ответил Берг.

– Как вы *предполагаете*?

– Может быть, неделю. Чем дольше лежит труп, тем труднее оценить, как давно наступила смерть. А в этой жаре... – Он поднял ее руки, наклонился и посмотрел на внутреннюю сторону. – Но одну вещь могу сказать наверняка: скорее всего, она умерла здесь.

– Трупные пятна?

Кайса знала, что если бы синие пятна гематом находились на других частях тела, это могло означать, что его переместили.

– Да, они точно соответствуют позе, в которой она сидит, – сказал Берг. – Либо она умерла в кресле, либо ее посадили сюда сразу после наступления смерти. Более вероятно второе.

Он показал на кровь наверху на стене в трех метрах от них.

Эггесбё жестом подозвал полицейского к себе. Служащий выглядел так, словно не горел желанием, но все же подошел со стороны стула. Эггесбё что-то тихо сказал ему.

Врач обеими руками взялся за голову трупа, повернул ее, чтобы посмотреть сторону, опирающуюся на спинку стула. На затылке застыла плотная масса свернувшейся крови, приклеившей волосы к голове и стекшей вниз по шее и спине.

Берг выпрямился и собирался сказать что-то еще, но вместо этого склонился вниз, поднял длинное черное платье и сложил его на колени женщины. Рой мух неистово жаждал внизу.

Полицейский издал звук, похожий на отрыжку.

– Выйди и подыши свежим воздухом, – сказал Эггесбё.

– У нее есть собака? – спросил Берг.

– Не знаю, – ответил Эггесбё.

– Похоже на то, – сказал Берг, не поднимая глаз.

Кайса сделала шаг вперед, посмотрела вниз и быстро отвернулась.

Полицейский стоял на лестнице и вдыхал свежий воздух, когда она вышла, чтобы посмотреть, как там Юнас. Бенте осторожно качала коляску, держа палец у рта. Юнас боролся со сном, но у него не вполне получалось, только тихое хныканье в протест.

– У Сиссель есть собака? – прошептала Кайса.

Бенте показала. В дальнем углу сада стоял серый элкхаунд^[1].

– Каро пулей выскочил, когда я открыла дверь, – сказала она. – Он только что вернулся, и я привязала его поводком.

Пес выжидающе завилял хвостом, услышав свое имя.

Кайса вошла обратно в дом и остановилась в дверном проеме в гостиную.

– Собака на улице, в саду, – сказала она. – Но она была в доме, когда Бенте открыла дверь. – Она указала на стену у двери в парадную гостиную. – Пес опорожнялся вон там.

– Точно, – кивнул Эггесбё.

– Был несколько дней заперт вместе с Сиссель, – констатировал врач.

– Вы ее знали? – спросил Эггесбё.

Берг кивнул:

– Она была одной из моих пациенток. Мне было жаль ее. Ни братьев, ни сестер, и вся ответственность легла на нее. Ну, вы знаете: единственный ребенок, женщина, престарелые родители. – Он сказал это так, словно это было само собой разумеющимся. У Сиссель не было выбора. – Но, наверное, было все-таки хорошо, что она жила не одна. Родители заботились о ней в той же мере, как и она заботилась о них, судя по тому, что я слышал. Когда умер отец, я пытался уговорить ее переехать в один из приютов, но она не хотела. – Он продолжил говорить, осматривая горло и шею умершей: – Она была у меня пару месяцев назад. С болями в желудке. Кроме того, она показалась мне подавленной. С ней ведь было трудно общаться, но она пожаловалась, что мысли о многом не дают ей уснуть.

– Наверное, это не так уж и странно после того, что случилось с ее отцом, – вставила Кайса.

– Она не хотела говорить, в чем дело, но наверняка в этом, конечно. Странно то, что на самом деле ей как будто бы стало лучше сразу после его смерти, но позже, летом, у нее началась депрессия. Я дал Сиссель антидепрессанты, чтобы она смогла преодолеть ее, и посоветовал выбираться из дома, встречаться с людьми.

– И как, Сиссель последовала вашим рекомендациям?

– Не знаю. Неделью назад ей был назначен новый прием, но она не явилась. Несколько раз случалось, что она записывалась, но не приходила. И я не...

Участковый прервал его и повернулся к Кайсе.

– Мы поговорим позже, – сказал он.

– Тебе предстоит большая работа, – ответила она. – Здесь *должна* быть связь. Два убийства в одном доме, это...

– Кайса... – начал Эггесбё.

Она согласно подняла руки перед собой:

– Ладно, ладно.

– Кстати, как там дела у Карстена? – спросил он.

– Хорошо, – ответила она через плечо, выходя из дома. – Все хорошо.

«Я не буду думать о Карстене, – подумала она. – Все наладится».

Кайса заглянула в коляску. Юнас спал с полуоткрытым ртом, раскинув ручки в стороны и растопырив пальцы. Она подоткнула ему одеяло и перевела взгляд на дом Сиссель Воге. Если бы не шторы и цветы на окнах, можно было бы подумать, что здесь давно никто не

живет. Было нечто смирившееся и уставшее от жизни во всем владении Сиссель, словно ей было все равно, словно она бросила поддерживать уход и порядок вокруг себя.

Большинство домов в Лусвике стояло подобно памятникам благосостоянию людей. Часть домов пятидесятих годов изначально была обшита асбоцементными листами, но теперь жители убрали их и заменили на панели, модернизировали, надстроили, изменив дома до неузнаваемости. Но на доме Сиссель были такие же серые, пострадавшие от погоды плиты, а ставни и оконные рамы нуждались в покраске.

Кайса покатила Юнаса домой.

Скоро будет два с половиной года с тех пор, как они с Карстеном решили отреставрировать дом, который она унаследовала от тети в то лето, когда убийство немца сотрясло Лусвику и Карстен едва остался жив. Они жили здесь уже пару месяцев.

Первоначально они собирались пробыть здесь всего год. А потом посмотреть. Тее и Андерсу, детям от бывшего мужа Аксея, очень нравилось здесь, но если Карстену не станет лучше, они не смогут остаться. Все чаще и чаще она думала о том, что лучше всего было бы вернуться обратно в Аскер. Его уныние влияло и на нее тоже, она часто чувствовала себя подавленной. Нет, скорее не подавленной, а грустной, так бесконечно грустной посреди жизни, которая должна быть полна жизнеутверждающей радости. Кайсе следовало бы наслаждаться каждым днем, радоваться, что Карстен выжил, что она снова стала матерью. Вместо этого она ходила кругами и чувствовала в себе противостояние всему, что сама предпринимала.

Она сбавила скорость.

Эггесбё стоял и разговаривал с Бенте Рисе. У нее был ключ от дома Сиссель. Был ли ключ и у убийцы тоже?

Кайса жила в Лусвике с родителями и двумя сестрами до десятилетнего возраста. Тут были ее корни. Она знала большинство здесь живущих с детства и с тех каникул у тети в подростковом возрасте. Бенте Рисе тоже родилась и выросла здесь, а ее муж приезжий. Кайса не знала никого из них хорошо, только шапочно. Они построили дом на земле родителей Бенте, рядом с Сиссель.

С Сиссель Кайса не была знакома, та переехала в Лусвику после того, как семья Кайсы уехала в Аскер. Кайса однажды видела ее в магазине после их переезда сюда. Сиссель достала из сумки блокнот, что-то в нем написала и показала Эльзе, которая владела магазином Лусвики. Кайса подумала, что Сиссель глухая, но Эльзе, подруга детства Кайсы, рассказала ей, что Сиссель перестала разговаривать, будучи подростком. Когда Сиссель ушла, Кайса услышала разговор двух женщин. Они говорили о ней «бедняжка» и «чудачка», а потом начали обсуждать, как ужасно, что полиция до сих пор не раскрыла убийство ее отца.

Было очевидно, что убийство Педера Воге все еще занимало людей, год спустя после того, как оно случилось. Каждый раз, когда Кайса приходила в магазин, кто-нибудь говорил об этом деле. Убийство нависло над деревней словно темная тень. По словам Эльзе, люди боялись, особенно пожилые, кто жил один. Они начали запираť двери посреди дня, не открывали незнакомым, никто не выходил один по вечерам, детей возили на машинах больше, чем раньше. Кайса сама забирала Теу или Андерса, когда они были у друзей или проводили свободное время после наступления темноты. Все было совсем иначе, когда она жила здесь ребенком. В те времена они даже не утруждали себя запираť двери на ночь.

Два убийства в одном доме с разницей в год, подумала она. Здесь должна быть связь.

Она посмотрела на пустынный участок дороги на выезде из деревни, который начинался

прямо поодаль от дома Сиссель Воге. Жители называли его Пляжем, хотя никакого пляжа здесь не было, только каменистая полоса отлива. В некоторых местах дорога прорезала подножие гор, в других – скользила по более плоскому берегу. Она извивалась и петляла на протяжении пары километров мимо больших и маленьких бухт, пока не оканчивалась на длинном мысе, где было пять-шесть домов. Оттуда десять лет назад построили мост к соседнему острову. Она могла различить его вдали, мощное и красивое архитектурное сооружение, органично вписавшееся в пейзаж. Он изгибался к вершине, наклонялся и приземлялся на несколько скал. Затем дорога уходила в новый поворот на насыпь и достигала острова по другую сторону фьорда, исчезая в тоннеле. Жить стало проще после появления моста: центр коммуны Воген был всего в десяти минутах езды на машине.

Прямо напротив дома Сиссель Воге между дорогой и полосой отлива проходила гравийная дорога с маленьким сараем, примерно тридцатью метрами дальше был перекресток. Одна дорога шла прямо через постройки, другая, под названием Хамневейен, вела к гавани. У мола она сворачивала вверх и встречалась со второй дорогой так, что они образовывали круг. С этого круга было несколько съездов к маленьким группкам домов, самый длинный вел к популярному месту купания Квитсандвика.

Кайса часто гуляла с коляской мимо дома Сиссель и почти всегда видела ее лицо в окне. Выражение «живой цветочный горшок» было известным в деревне и относилось в том числе и к Сиссель.

Кайса подумала о месте происшествия, оно так и стояло перед глазами: фонтан крови, поза, в которой сидела Сиссель, платье, укусы собаки, детская одежда в парадной гостиной. Почему она была одета в праздничное платье? Она нарядилась для убийцы?

Кайсе пришло в голову: ее кресло было пунктом наблюдения. Все приезжавшие или покидавшие деревню проходили мимо окна Сиссель. Кроме того, у нее был вид на гавань, на приплывающие и уплывающие корабли.

Кайса развернулась и пошла назад, стараясь катить за собой коляску так, чтобы в нее не задувал ветер. Она зашла под навес автобусной остановки и села в укрытии от ветра. Облака стали темно-серые, они вот-вот сольются в одно, и пойдет дождь.

La concierge^[2]. Сиссель была привратницей, которая видела и знала все, что происходило.

Руки Бенте Рисе безостановочно двигались, она несколько раз провела тряпкой по кухонной столешнице, хотя на вид та сияла чистотой. Затем Бенте тщательно вымыла руки под струей воды и без необходимости долго вытирала их полотенцем, висящим на стене.

У нее были короткие кудри, спортивная стрижка с длинной челкой, которую она безуспешно пыталась заправить за ухо. Волосы покрашены в разные коричневые и золотистые оттенки, придающие кудрям блеск и живость. Широкое лицо с длинными, глубокими ямочками на щеках, несмотря на то, что она не улыбалась. На ней была красная туника и темно-синие джинсы. Только ногти не подходили к идеальному образу, они были сгрызены до кожи.

– У тебя есть ключ от дома Сиссель? – спросила Кайса.

Она позвонила в дверь и была приглашена на кофе. Коляска с Юнасом стояла на

террасе, выходящей на задний двор, дверь была приоткрыта, чтобы услышать, если он проснется.

Взгляд Бенте Рисе скользил по комнате.

«Она все еще в гостиной Сиссель», – подумала Кайса.

Он сел на высокие табуреты на краю большого кухонного острова посреди комнаты. Кухня на вид была новехонькой и дорогой, столешницы из темного камня, гладкие, белые, как яичная скорлупа, фасады ящиков и шкафов до самого потолка.

Бенте смахнула отсутствующие крошки, переставила большую оловянную миску с фруктами, по-прежнему блуждая взглядом.

– У меня есть ключ от дома Сиссель уже пару лет, – сказала она и вытащила ключ из кармана. К нему было привязано деревянное сердечко, как те, что дети делают на уроках труда.

– Почему ты решила открыть дом? – спросила Кайса.

– Я думала о ней в последние дни. Сиссель обычно выпускала собаку каждый день, но в последнюю неделю я ее не видела. Она, конечно, могла быть на улице так, чтобы я не заметила, я ведь не все время бываю дома. Но в последние два дня я не отлучалась, поэтому немного последила за домом. И я подумала... надо проверить, все ли с ней хорошо, не заболела ли она или еще чего. – Губы задрожали, когда она продолжила: – Я долго звонила в дверь, и когда она не открыла, я открыла своим ключом. Было... было совершенно ужасно, этот чудовищный запах...

Она встала и принесла еще кофе.

– Сначала убили отца, а теперь Сиссель. Я не могу в это поверить.

– Что ты знаешь об убийстве отца?

– Полиция охарактеризовала его как жестокое, но не сообщала деталей. Впрочем... я знаю чуть больше. Я помогала полиции, когда им нужно было допросить Сиссель, она отказалась говорить с ними, и они общались через меня. Поэтому я получила доступ к деталям, которые не знает никто другой. Я, конечно, обязана хранить молчание, но у меня такое впечатление, что его чуть ли не запытали до смерти. – Она поежилась. – Это же совершенно недопустимо – не поймать преступника! Кошмар для всей деревни, люди ходят в постоянном страхе, особенно мы, ближайшие соседи. Ты только подумай, а что, если это кто-то местный, кого мы знаем, лишил жизни и Педера, и Сиссель?

– Расскажи мне о Сиссель, – попросила Кайса.

– Мне кажется, с ней было что-то не так.

– Потому что она не разговаривала?

– Да, но не только поэтому. Она почти ни с кем не общалась. Станный человек.

– Когда она перестала разговаривать?

– Много лет назад. Она ведь немного младше меня, так что я не очень хорошо ее знала.

– Я видела однажды, как она писала записку в блокноте в магазине. Ты тоже так с ней общалась?

– Да, блокнот у нее был всегда с собой.

Бенте подлила кофе Кайсе, хотя та сделала всего один глоток. Ее рука дрожала.

– Кстати, она изменилась после того, как осталась одна, – сказала Бенте.

– Как же?

– Как будто... как бы это точнее сказать? Как будто она начала *жить*. Ее родители были очень строгими и старомодными. Так что, когда их обоих не стало, она могла делать что

хочет, думаю, так.

В этот момент зазвонил телефон. Кайса услышала, как Бенте рассказывает кому-то, что случилось.

– Что ты имеешь в виду – «могла делать, что хотела»? – спросила Кайса, когда Бенте закончила разговаривать. – Что она делала?

– Начала краситься, красить ногти, одеваться в яркие цвета, современную одежду, осветляла волосы. Ну, ты знаешь, обычные женские штучки.

На похоронах отца Бенте первый раз увидела ее в чем-то, кроме серого, бежевого или коричневого. Сиссель надела красный пиджак.

– Я считаю, это было совершенно неправильно. Ей стоило бы надеть что-то черное, так же принято на похоронах, а не ярко-красное. Она выглядела так, будто собралась на праздник.

Кайса представила себе Сиссель в черном шелковом платье.

– Она была красивой, – сказала она.

– Да... – сказала Бенте. – Но я никогда об этом не задумывалась, пока были живы ее родители. Тогда она была серой мышкой. Мне было жаль ее, она всегда казалась грустной, я едва ли видела ее улыбку. Только когда она осталась одна и начала наряжаться, я впервые увидела, какая она красивая, несмотря на большое безобразное пятно на лице.

– Это родимое пятно?

– Нет... на самом деле я не знаю, что это было.

– Ты хорошо знала родителей?

– Не особенно. Отец был проповедником, ездил повсюду и произносил речи в молельных домах. А мать... – Бенте пожала плечами, удрученно вздохнув. – Конечно, нельзя говорить плохо о мертвых, но я должна сказать, что она была нехорошим человеком. Да и отец тоже, если ты спрашиваешь меня. Ссорились с соседями, это тоже. Особенно отец. Даг, мой муж, просил у них полметра лужайки, когда мы собирались построить гараж, но об этом даже и речи не могло идти, хоть он и предлагал заплатить намного больше оценочной стоимости. – Бенте прикусила ноготь на мизинце. – А с Юханнесом все было еще хуже.

Она показала в кухонное окно на дом, стоявший за домом Сиссель, белый каменный дом с темно-зелеными оконными рамами и красным сараем.

Кайса знала, что Юханнес – это молодой парень чуть за тридцать, живущий с матерью, Вигдис. Она помнила ее потому, что та дружила с ее тетей.

– Юханнес терпеть не мог родителей Сиссель, – сообщила Бенте. – Несколько лет назад он хотел срезать верхушки нескольких деревьев на их территории, они стали такими высокими, что заслоняли солнце на его террасе. Он попытался уговорить отца Сиссель, Педера. Но об этом не могло быть и речи, Педер наотрез отказался. А потом вдруг однажды все деревья исчезли.

– Значит, Юханнес все-таки добился своего, наконец? – спросила Кайса.

– Он ведь хотел убрать только верхушки, – фыркнула Бенте. – Там был длинный ряд деревьев, укрывавших от ветра. Педер сделал это просто из подлости. А теперь северный ветер задувает прямо на террасу Юханнесу. – Она бросила взгляд на белый каменный дом и добавила: – Ну, у Юханнеса тоже есть свои проблемы. Пьет и говорит что-то совершенно ужасное, почти невозможно понять, что он говорит. Его тоже клали в психушку, несколько раз.

– Он может быть жестоким?

– Не жестоким, нет, немного агрессивным спьяну. Но с ним никогда никакой ерунды, когда трезвый.

– Когда умерла мать Сиссель?

Бенте смахнула несколько незаметных крошек со стола.

– Пять лет назад. Ушла в море. Так, по крайней мере, все думают.

– Ушла в море?

– Да, то есть утопилась. Просто-напросто исчезла однажды. Развернули большую поисковую кампанию, но ее не нашли.

Сразу после этого у Бенте появился ключ от их дома. Сиссель собиралась в больницу на весь день и переживала за отца. У него было слабое сердце.

Педера Воге нашел молодой человек, доставлявший продукты. Когда никто не открыл, он позвонил Бенте и спросил, не уехали ли Сиссель с отцом. Бенте одолжила ему ключ.

– Где же была Сиссель в тот день? – спросила Кайса.

– На улице, гуляла. Она часто бродила вдоль Пляжа в Квитсандвике или в горах. Ходила и ходила, всегда в одиночестве.

С террасы послышались звуки. Кайса посмотрела на часы – пора идти домой. Андерс и Теа скоро вернутся из школы.

– Мама, – улыбнулся Юнас, когда Кайса посадила его и обняла.

– Чудесный возраст, – сказала Бенте, мимолетно улыбнувшись в первый раз.

В дверях на террасу появилась молодая девушка.

– Это Туне, – представила девушку Бенте. – Моя дочь.

Кайса подошла к ней и протянула руку:

– Привет!

Имя Туне ей не подходило. Из Сомали. Может быть, Эфиопии. Маленькое лицо, прекрасные глаза, длинные густые черные волосы, собранные в косу, лежали на плече. Все было идеально – кроме рта. На верхней губе – глубокая ямка.

Туне осторожно улыбнулась Кайсе перед тем, как посмотреть на маму.

– Почему у Сиссель полиция?

Она говорит чуть-чуть в нос. Значит, у нее не только заячья губа, но и волчья пасть, подумала Кайса.

Бенте подошла и положила руку ей на плечо.

– Сиссель умерла, – сказала она тихим голосом.

– Умерла?

– Ее... эээ... кто-то лишил ее жизни.

– Что? Ее тоже убили?

Бенте кивнула.

– Я случайно проходила мимо, когда твоя мама нашла ее, – сказала Кайса.

– Так это *ты* ее нашла? – спросила Туне, удивленно посмотрев на маму. – Что ты делала у Сиссель?

Бенте рассказала дочери, как все было.

– Она была странной, – сказала Туне. – Но очень доброй.

Бенте кивнула:

– Да, это точно.

– Я еду на урок музыки, – сообщила Туне.

– Домой к Гисле? – спросила мама.

– Да.

– Вы больше не проводите уроки в школе?

Туне только пожала плечами. Бенте взволнованно посмотрела на нее.

– Сколько ей? – спросила Кайса.

– Четырнадцать, Непростой возраст.

Бенте проводила Кайсу до фасада дома. В этот момент большой черный внедорожник свернул к подъезду. Оттуда вышел мужчина, посмотрел на полицейскую машину и ограждения у дома Сиссель. Кивнул Кайсе. Это был Даг, муж Бенте. Очевидно, с ним она и говорила по телефону.

– Что *ты* делала у Сиссель? – спросил он.

– Я... я же сказала, что волновалась за нее, ты же знаешь. – Она украдкой посмотрела на Кайсу. – И... да, я открыла дверь ключом. Она не открыла, когда я звонила в дверь.

– Ты открыла дверь? Почему тебе всегда надо... – он начал говорить возбужденно, но перебил сам себя и посмотрел на Кайсу. – Извини, я сегодня сам не свой.

Кайса не была уверена, имел ли он в виду убийство или то, что жена ворвалась к соседке.

– Мне пора вернуться домой, – сказала она. – Спасибо за кофе.

Бенте взялась проводить Кайсу до почтовых ящиков. Она сощурилась в направлении пустынной дороги в деревню.

– Должно быть, это сделал кто-то не из местных, – предположила она. – Ты так не думаешь?

4

Бенте Рисе была напугана. Она не могла избавиться от увиденного зрелища, запах все еще стоял в носу, а в горле тошнота. Но страх был присущ ей по натуре, и она понимала, что переживает слишком сильно.

Забрав почту, она сразу пошла в спальню и легла. Не в силах говорить с Дагом, чувствовать, как она съезживается и становится крошечной под его взглядом. Он злился на нее из-за того, что она вошла к Сиссель. Бенте не понимала, почему, как часто не понимала реакций Дага на то, что она делала или говорила. Таким уж он был, так уж все сложилось между ними.

Она влюбилась в Дага с первого взгляда. Он работал на борту одного из рыбацких судов ее отца. Отец взял его в экипаж в свой молодежный проект; каждое лето он нанимал парней, у которых было трудное детство, чтобы помочь им и занять работой. Даг был одним из тех, с кем отцу повезло, и он часто бывал у них дома, став почти сыном. О семье Дага они ничего не слышали и никогда ее не видели. Они даже не появились на их свадьбе. Бенте никогда не встречалась с ними, а Даг не хотел говорить, почему не хочет с ними контактировать. «Трудное детство» – это все, что он говорил. Пробыв год в экипаже на судне отца Бенте, Даг получил специальность машиниста и постоянную работу в судоходной компании.

Это он не мог иметь детей. Они выясняли это через два года после свадьбы. Она бы все равно вышла за него и, тем не менее, чувствовала себя в каком-то смысле обманутой, ведь она представляла себе кучу детей. Бенте постоянно ощущала тоску по беременности, ей хотелось чувствовать, как жизнь растет внутри нее. Чего-то не хватало также и после того,

как они удочерили Туне.

Время от времени она думала, что еще не поздно. Но тогда ей придется уйти от него, а компанией управлял Даг, она вообще ни в чем не разбиралась. Если его не будет, все рухнет, в этом она была уверена. Образования она тоже не получила. Все годы брака она хотела работать. Может быть, в офисе судоходной компании, в детском саду или в магазине. Но Даг считал это глупостями.

Несколько дней назад, когда Даг кричал на нее из-за какой-то ерунды, она, к собственному удивлению, осмелилась напомнить ему, что именно она – главный акционер компании. Он бы никогда не оказался здесь без нее. Его глаза потемнели, и на секунду Бенте показалось, что он сейчас даст ей пощечину. Но он опомнился и процедил сквозь плотно стиснутые зубы, что именно он позаботился о том, что компания все еще существует после смерти отца Бенте. Она не должна забывать об этом, и никто не заберет у него то, что он создал. Никто.

Она поняла это уже давным-давно: Даг женился на ней из чистого эгоизма.

Но в последнее время он как будто изменился, казался взволнованным, еще более вспыльчивым, чем обычно. Наверное, он и сам думал, что так продолжаться больше не может.

Это было бы так хорошо.

Она плотнее укуталась в одеяло и увидела перед собой мертвую Сиссель в кресле, почувствовав, как страх смешался с пустотой, внутри нее – пространство, ничем не наполненное, чувство, что она ничего не значит. Ни для кого. Туне проводила время в своей комнате или в подвальной гостиной. Даг мало бывал дома, а когда бывал, ему никогда не было дела до нее. Они перестали делиться мыслями и чувствами уже очень давно.

Даг страшно злился на Сиссель, эту бедняжку.

Пустота разрасталась и ощущалась остро.

3 ноября 1990 года

– Что на ужин? – Отец сел за накрытый стол.

– Рыбные котлеты, – ответила мама.

Она стояла у плиты, отвечая, не смотря на него. Дети сидели, не произнося ни слова, только бросая испуганные взгляды на него.

– Рыбные котлеты? – раздраженно спросил он. – Опять? Они были всего пару дней назад.

– Неделю назад, в прошлый понедельник. – Она поставила картошку на стол.

– Не ставь кастрюлю на стол, – приказал он.

Она поспешила убрать кастрюлю с картошкой назад и переложила содержимое в миску. Затем положила на блюдо рыбные котлеты, жареный лук и морковь и села.

Мальчик протянул руку, чтобы взять еду. Они два часа ждали, когда отец придет домой, сын проголодался и забылся.

Отец с силой шлепнул его по руке, и мальчик притянул ее обратно, сложил обе руки на колени и опустил глаза. Его губы тряслись.

– Чего ты хнычешь? – жестко произнес отец. – Тебе пора выучить, что нельзя брать еду, пока я не скажу.

Они почувствовали в его дыхании запах алкоголя. Они знали: это случилось снова.

– Ты же знаешь, что я не люблю рыбные котлеты, – раздраженно сказал он. – Почему ты не можешь приготовить еду, которую я люблю?

Она прошептала, не глядя на него:

– Извини.

– Извини? Это все, что ты можешь сказать? – Мать не ответила. – Что? Ты что, не слышишь? Я с тобой говорю.

– Я... – начала она, но не смогла ничего больше сказать.

– Я не слышу, что ты говоришь.

Мама быстро посмотрела на старшую дочку, сделав почти незаметное движение головой. Девочка медленно встала, отодвинулась от стола, словно думала, что может исчезнуть так, что отец не заметит.

– Куда собралась? – рявкнул он.

– Делать уроки, – прошептала девочка.

– Пусть идут, – вставила мать умоляющим голосом. – Пожалуйста.

Отец поднялся и встал за стул, где сидела мать. Первый удар пришелся до того, как дети дошли до двери.

– Не смотри, – прошептала девочка, когда брат обернулся.

И она выпроводила его перед собой.

Они пошли в магазин, побыли там долго, потому что на улице было холодно. Но остаться там они не могли, поэтому отправились в свое укрытие в лесу.

Деревья сбросили листву. Должно быть, около нуля градусов, вот-вот выпадет снег. Они залезли под корень упавшего дерева. По сторонам они поставили несколько больших веток и сделали крышу из елового лапника. На чердаке они нашли старый пенорезиновый матрас и взяли несколько пледов, лежавших в пластиковом пакете, чтобы не намокнуть.

Дети сели, тесно прижавшись друг к другу. Мальчик плакал, и девочка притянула его к себе, крепко обняла, погладила по голове, прошептав утешительные слова, которые часто говорила мама:

– Ну, ну, все будет хорошо. Мы справимся, мы есть друг у друга, – сказала она, пообещав, что всегда будет заботиться о нем.

Должно быть, она была сильной, хотя ей было всего восемь лет, и не плакала.

Девочка сидела, вдыхая запахи леса, думая, что любит лес, особенно по вечерам, когда наступала темнота, превращая его в одно большое объятие, где можно спрятаться.

Когда они вернулись, отец спал в спальне, был слышен его храп. Мама сидела за кухонным столом. На ней была другая одежда, волосы мокрые. На столе перед ней лежала открытая Библия.

– Вот вы где, идите, мы поедим, – сказала она, поднявшись, обнимая и целуя их в щеки. – Все хорошо, – прошептала она. – Все хорошо.

От нее пахло шампунем. Лицо ее было красным и опухшим от слез и от того, что он сделал с ней, здесь, в кухне, а потом в спальне.

– Теперь вам надо доделать уроки, уже поздно, – сказала она совсем обычным голосом.

Как ей это удавалось – каждый раз делать вид, как будто ничего не случилось?

Дети спали в одной комнате, но отец говорил, что однажды у каждого из них будет своя. Когда у них будет больше денег, они смогут купить дом побольше. Никто из детей не хотел свою комнату, они хотели быть вместе.

*Девочка вслух читала «Отче наш». Когда она закончила, из второй кровати раздалось:
– Папа несправедлив. Когда я вырасту, я дам ему сдачи.*

Кайса смотрела на фьорд – теперь море разошлось. Малый рыболовный бот шел к берегу, его сильно швыряло на волнах. На пару секунд его нос указывал четко к небу, она увидела большую часть красного киля перед тем, как он свалился в следующую волну и тяжело перекатился на бок.

Ветер равномерно усиливался весь день, облака расплылись по небу, теперь они были темные, как дым от горящих торфяников, и низко шли с моря, опускались на сушу, скрывая вершушки гор и затемняя свет. Поля, пашни, камни на берегу и море потеряли свой собственный цвет, закутавшись в серые краски. Дома выглядели поблекшими, а в воздухе висело предвестие снега. Завтра первый день Адвента. Неделю назад выпало немного снега, но потом погода стала мягкой, снег таял днем, чтобы замерзнуть ночью, когда температура упадет ниже нуля. Тогда все покроется скользким льдом, так что едва можно будет удержаться на ногах. А пока что дороги были снова оттаявшие, и запах гнилой листвы смешался с запахом водорослей и соленого моря.

В гавани бок о бок стояли прогулочные яхты и потрепанные деревянные лодки. Они бились о причал, поднимались и опускались в неровном такте. В деревне было не много больших яхт, когда Кайса была маленькой, а теперь здесь только и были что яхты и большие парусники как доказательство растущего благополучия и того, что лодочная жизнь изменилась. Речь уже шла не о борьбе за выживание, а о хорошей жизни, иногда рыбалка на корабле или прогулки на яхтах вдоль побережья. Осталось всего несколько рыболовных ботов. Большинство из тех, кто жил за счет рыболовства, работали на борту крупных рыболовецких судов или в нефтяной индустрии.

Вдруг налетел резкий порыв ветра. Он срезал вершушки волн, бьющих о берег, отправив пенные вихри в воздух. Такой ветер – предвестник осадков. Они шли по пятам: сначала маленькими брызгами на лице и вскоре мощной стеной ледяного дождя, перешедшего в снег с дождем.

Кайса побежала, у нее не было ни дождевика, ни навеса для коляски. За несколько секунд она промокла до нитки. Съездившись, она изо всех сил толкала коляску в гору в сторону дома. Юнасу все казалось очень веселым, он радостно повизгивал, наклонялся вперед и вытягивал ручки за откидной верх.

Когда она пробежала мимо гаража у дома, зазвонил мобильный. Она зашла под крышу и нажала на кнопку ответа.

Это был дежурный начальник «Суннмёрспостен». Он перешел сразу к делу: могла бы она выполнить работу для их газеты? Он слышал, что теперь Кайса живет в Лусвике, и они получили сведения, что полиция огородила там один из домов.

– Вы что-нибудь знаете об этом? – спросил он.

– Полиция собирается начать расследование убийства, – ответила она.

– Вы серьезно? Возможно ли, чтобы вы подготовили материал об этом для нас?

В последнее время Кайса все чаще и чаще ловила себя на мысли, что скучает по бурной жизни журналиста в теленовостях на «Канале 4». Вся цель переезда в Лусвику была в том, чтобы начать спокойную жизнь, вдали от суеты и стрессов, поездок в час пик, чтобы не забирать и не отвозить детей в школу и на занятия в свободное время, постоянно вкалывая, чтобы все успеть. Но вместо хорошей жизни все это оказалось стоянием на месте, а убийство проповедника создало в деревне атмосферу, далекую от того благополучия, с которым Кайса связывала это место.

– У нас сегодня нет ни одного журналиста на этой территории, и, вероятно, придется послать кого-то из Олесунна, – продолжил он. – Мы можем позвонить в полицию и сделать статью в главной редакции, но нам нужны фотографии места происшествия сейчас же.

– В таком случае я должна обговорить это со своим начальником. У меня есть разрешение только от «Канала 4», – ответила она. – Дайте мне пару минут.

Она радовалась этому свободному году и планировала потратить время на написание книги о вкладе женщин во время войны в западной Норвегии, эта тема давно ее интересовала. Во всяком случае, она и не думала, что будет работать журналистом.

Когда Карстена подстрелили, она неделями сидела у его постели; сначала было неясно, выживет ли он вообще, а когда он все-таки выжил, они долго не знали, сможет ли он жить нормальной жизнью. Пуля нанесла непоправимый ущерб здоровью, и когда Карстен вышел из комы, он был частично парализован. В первое время он, стиснув зубы, посредством лечения и многочисленных тренировок постепенно возвращал все больше и больше подвижности телу. Теперь у него получалось ходить на короткие дистанции с костылями, но он все еще нуждался в инвалидной коляске.

Когда прогресс стал замедляться, Карстен опустил руки. Все мучительнее и тяжелее стали тянуться дни. Для него и для всех вокруг него. Тот сильный и уравновешенный полицейский, возглавлявший столько опасных дел, потерпел крупную катастрофу и впал в депрессию. Визиты к психологу не особенно помогали. Иногда Кайса думала, немного стыдясь, что ему просто хочется, чтобы все было так, хочется безынициативно сидеть и возвращать в себе озлобление.

Они говорили о переезде в Лусвику, по крайней мере на какое-то время, еще в то лето, когда реставрировали дом. И когда она снова предложила это – возможно, смена обстановки пойдет Карстену и всей семье на пользу, – он согласился.

Поначалу переезд в Лусвику как будто дал Карстену новый импульс. Но было много вещей, с которыми он не мог справиться, и их приходилось улаживать Кайсе. Теперь Карстен мог подолгу сидеть в кресле у окна и ничего не делать, интроверт, с выражением лица, говорившим о том, что мыслями он в другом месте. Где именно он был, о чем думал – этим он не делился с Кайсой.

Она так боялась потерять его. Когда он лежал в больнице, то был всего лишь оболочкой собственного тела, и все, что она в нем любила, отсутствовало – мимика, улыбка, смех, слова. А теперь ей казалось, что она все же потеряла его, несмотря на то, что он выжил.

По ночам он поворачивался к ней спиной с окончательным «спокойной ночи». Он не реагировал, когда она прижималась к нему и гладила по спине. Притворялся, как будто спит. Но дыхание его выдавало. Она пыталась сказать, что ничего страшного, если не все будет работать, как прежде, все наладится спустя время. И тогда он резко, совсем непохожий на

себя, раздраженно обрывал ее.

Но в основном он молчал, и она часто замечала, как он наблюдал за Юнасом с выражением лица, полным грусти и смирения.

«Так живи ради Юнаса! – хотелось ей закричать ему. – Живи ради него!»

Но она этого не делала.

Когда Кайса вернулась домой, Карстен сидел на своем обычном месте – в плетеном кресле у окна. Рассказав ему, что случилось, она на короткое мгновение увидела проблеск интереса в его глазах.

– Сиссель Воге – это дочь убитого в прошлом году, – сказала она. – Проповедника.

– Вот как? – Он отвел взгляд и повернулся к газете.

Она не стала кричать, подбадривать его, говорить, что он мог бы помочь участковому. Это могло бы стать возможностью вернуться на работу. Вместо этого она сказала:

– Мне предложили работу.

Карстен не оторвался от газеты.

– Да ладно?

Она рассказала, что решила согласиться на фрилансерское задание «Суннмёрспостен».

Он метнул на нее раздраженный взгляд:

– А ты вообще подумала, кто будет сидеть с Юнасом?

Подступившие слезы комом застряли в горле, преграждая путь словам. Нет, она не заплачет, она будет сильной.

– Ты! – выступила она вперед.

Карстен пару секунд в изумлении смотрел на нее, прежде чем ответить:

– Я? Как ты можешь так думать, я же не могу...

Она подавила в себе жалость и перебила его:

– Нет, ты можешь.

– Я не могу даже пойти с ним на короткую прогулку, – сказал он, отводя взгляд и демонстративно закончив разговор, спрятавшись за газетой.

Обида исчезла, нужно было собраться и взять себя в руки.

– Ты отлично справишься, в этом я совершенно уверена, – произнесла она с напускным спокойствием, сама услышав, что голос звучит неубедительно обнадеживающим.

– Нет, – ответил он.

– Нет? Знаешь что, Карстен, слишком долго твои «да» и «нет» были решающими во всем, что происходит или не происходит в этой семье. Все подстраивались под тебя и жили на твоих условиях. – Она перевела дыхание. Карстен проигнорировал ее слова. Она подошла на шаг ближе и повысила голос, больше не в силах сдерживаться: – Я больше не хочу так жить! Мне нужно вырваться отсюда, нужно пространство, чтобы дышать, нужно уйти от тебя!

Уйди от тебя?

Она бы никогда не подумала, что однажды скажет такое. Но это правда, она больше не в силах быть рядом с его молчанием.

Кайса подскочила к нему и вырвала газету из его рук:

– Ты слышишь, я с тобой говорю?

Сначала он посмотрел вверх, всего на секунду. Взглядом, полным напускного безразличия, но в то же время таким говорящим, что она увидела, что скрывается под застывшей маской: недостаток силы.

Угрызения совести холодной волной окатили ее. Она молча стояла около Карстена, смягчившись, и чувство гнева стало покидать ее. Карстен так похудел и стал как военнопленный, кожа да кости, впалые щеки, бледный, под глазами синие мешки. Ей захотелось обнять его и сказать: «Милый, извини».

Но она этого не сделала.

Что-то *должно* случиться, что-то, что избавит его от апатии. Ради него. Ради нее. Ради детей.

Юнас повис на ее коленях. Она подняла его и протянула Карстену.

– Он покакал, – сказала она.

Юнас сполз на пол, и Карстен отпустил его, переведя взгляд в окно. Дождь со снегом перестал, выглянуло солнце, и море заблестело. Но взгляд Карстена скользил по пейзажу, ничего не видя. Он думал о разговоре с участковым Уле-Якобом Эггесбё сразу после их переезда сюда. Речь шла о том дьявольском убийстве проповедника. Прошел почти год, и за это время не произошло ничего даже близко похожего на продвижение по делу. Может быть, ему взглянуть на материалы следствия?

На мгновение Карстен ощутил такой соблазн. Нераскрытое убийство. Тайна, неразгаданная загадка. Но желание заняться этим быстро отпустило. У него недостаточно энергии. Как он сможет работать, если вынуть посуду из посудомойки для него уже подвиг?

Тогда он ответил, что еще слишком рано. Может быть, позже, когда он немного восстановится, если в этом еще будет необходимость?

Ну и трусом он был.

Трус. Он? Едва ли кто-то из его знакомых так бы его охарактеризовал. Карстен сделал карьеру в полиции, работал в отделе по расследованию насильственных и сексуальных преступлений в полицейском округе Осло, перед тем как начал работать в вооруженных силах «DELTA». Но через пару лет он заскучал по расследованиям, по мозговой работе, по складыванию пазлов. Предложение о работе в Управлении уголовной полиции поступило как раз в подходящее время, и ему с первого же дня там очень понравилось.

Потом случился тот самый ужас, перевернувший все с ног на голову, когда задание пошло не так. В скольких операциях он участвовал? Он понятия не имел. Он спасал жизни, обезвреживал отъявленных преступников. Один раз ему пришлось убить. Это было необходимо, чтобы спасти невинных людей. Иногда Карстен думал об этом, но это не тяготило и не грызло его совесть, не лишало сна. Такая уж это работа. И риск – неотъемлемая ее часть. А когда он ворвался в дом с находившимся там психически больным преступником, здесь, в Лусвике, почти год назад, риск был не больше, чем во многих профессиональных действиях, которые он предпринимал.

Сердце перестало стучать, он был мертв, когда приехала «скорая». В тот день риск работы Карстена перестал быть только теоретической возможностью.

Он стал реальным.

Карстен никогда никому не признавался, что желание вернуться к работе сдерживает страх, что это может произойти снова.

Уйми от тебя?

Неужели Кайса не понимает, как это больно? Он не может, потому что стал проклятым калекой. Неужели она правда думает, что ему действительно нравится так жить? Он так же, как и она, хотел бы, чтобы все стало как раньше. Но этого никогда не будет.

– Пойдем, Юнас, поменяем тебе подгузник, – сказал он, поднимаясь, взял костыли и пошел за Юнасом в ванную.

8

Участковый Уле-Якоб Эггесбё выглядел взбешенным, заходя в переговорную полицейского участка вместе со следователем Эвеном Рунде. Оба были в форме. Эггесбё положил несколько бумаг перед собой на край стола, сел и оглядел собравшихся.

Начальник Кайсы на «Канале 4» дал ей разрешение поработать фрилансером для «Суннмёрспостен», пока она в декрете и живет в Лусвике. Она написала статью в Интернете через час после того звонка от редактора, который сразу же спросил, сможет ли она осветить пресс-конференцию и продолжать работать над этим делом, несмотря на то, что они собирались прислать еще одного журналиста плюс фотографа из главного офиса в Олесунне.

С одной стороны стола сидели четверо журналистов из местных офисов «Канала 4», «Дагбладет», «ВГ» и «ТВ-2» в Олесунне. Кайса вместе с тремя остальными сидела с противоположной стороны: мужчиной из местной газеты «Вестёйнютт», молодой девушкой из «ННР Мёре-о-Румсдал» и коллегой с «Канала 4».

Эггесбё бросил беглый взгляд на три ТВ-камеры, направленные на него.

– Я полагаю, что все знакомы с событиями, в связи с которыми мы собрались на эту пресс-конференцию, – начал он и продолжил, дав краткую информацию о том, кем была убитая, и сказал, что труп отправили в Институт Гаде в Берген для проведения вскрытия. – Но мы уже сейчас можем сказать, что убитая подверглась насилию. Полиция открыла следствие по делу и сейчас проводит кропотливую работу, чтобы обнаружить возможные следы. Как вы знаете, в этом же доме произошло убийство тринадцатого октября прошлого года, около года назад. Это убийство не раскрыто. Сиссель Воге – дочь убитого Педера Воге. Мы просим всех, у кого есть какие-либо сведения, связаться с нами. Мы не знаем точно, когда была убита Сиссель Воге, но она точно пролежала в доме несколько дней перед тем, как ее труп обнаружили. Поэтому мы просим всех тех, у кого есть необычные наблюдения за последние недели, заявить о себе. Я бы хотел уточнить, что мы хотим держать связь со всеми, кто был знаком и общался с убитой. Это также касается тех, кто обладает информацией об убийстве Педера Воге. Вопросы?

Журналист из «ВГ» поднял ручку, и Эггесбё кивнул.

– Есть ли что-то общее между убийствами Педера Воге и дочерью?

– Я прошу понимания, еще слишком рано говорить об этом.

– Как бы вы охарактеризовали убийство?

– Это я отказываюсь комментировать.

– Но убийство отца было определено полицией как «зверское».

– Все убийства зверские.

– Как вы думаете, можно было бы предотвратить это убийство, если бы полиция раскрыла убийство отца?

«Безнадежный вопрос», – подумала Кайса, заметив раздражение в глазах Эггесбё.

– Это пустые предположения, – ответил он и перевел взгляд с журналиста. – Еще вопросы?

– Вы не собираетесь попросить помощи у Управления уголовной полиции? – спросила женщина из «ННР». – Я так поняла, что Карстен Кьёлас, работавший там, сейчас живет в Лусвике.

Кайса заметила, как несколько журналистов покосились на нее.

«Ну да, – подумала она. – Хорошо, если бы Карстен присутствовал здесь, но его все же нет, поэтому у меня нет никакой внутренней информации из полиции. И, тем не менее, у меня есть преимущество. Я была на месте преступления. Вам следовало бы это знать». Она серьезно смотрела на Эггесбё, а про себя улыбнулась.

Эггесбё ответил, что следователи из полицейского участка Олесунна уже на месте. Кроме того, они постоянно оценивают, есть ли необходимость в дополнительном подкреплении из Управления уголовной полиции.

Кайса слушала вопросы других, сама не задавая ни одного. К чему они все клонили, было очевидно. Отец и дочь – два убийства в одном доме, с разницей в год, есть ли здесь связь? «ВГ» охотились за мрачными подробностями, они точно выпустят статью с заголовком «Дом ужасов» или подобным, с фотографией дома Сиссель. «ННР» направят все внимание на местное окружение. «Жители Лусвики в шоке. Дочь жертвы убийства найдена мертвой. Полиция просит свидетелей связаться с ними». Кайса тоже хотела так сделать, но заметила, что никто не задавал вопросы о том, почему убитая лежала так долго, прежде чем ее нашли. Когда пресс-конференция закончилась, она отвела Эггесбё в сторону и получила необходимый комментарий: «Подозрительно, что в маленькой деревне человек может пролежать мертвым больше недели, и никому до этого нет дела».

9

Туне Рисе встала из-за письменного стола в своей комнате. Сидя она видела только окна верхнего этажа в доме Сиссель, а стоя – и входную дверь.

Она рассматривала полицейского в белом комбинезоне, который маленькой кисточкой что-то сметал с дверной рамы. Двое других вышли из дома, неся в руках стул. Она проводила их взглядом, чуть наклонилась вперед и увидела, как они положили его в большой фургон.

Туне снова села за компьютер и вошла на «Фейсбук».

Ей не нужно было этого делать, просто глупо и совершенно нереально надеяться, что кто-то пришлет сообщение, что ее упомянут, прокомментируют ее пост или куда-нибудь пригласят.

Она уставилась на экран, сжала губы и с усилием сглотнула. Кто-то отметил ее на фотографии. Она шумно задышала через нос, а в кончиках пальцев закололо, это ощущение холодным потоком разлилось по телу и тяжелым грузом опустилось в животе.

Это была фотография ее класса, та, которую делали на прошлой неделе. Они с мамой ездили в Олесунн и купили новую одежду: джинсы, и черный топик, и яркое крупное украшение. Туне чувствовала себя очень красивой и про себя довольно отметила, что у нее такая же крутая одежда, как и у других. Девочки из класса комментировали наряды друг друга: «крутецкие штаны», «суперский топ».

Но никто ничего не сказал ей.

Туне смотрела на фотографию, и внутри у нее все сжималось.

Ее лицо было перечеркнуто большим крестом.

Она вышла в ванную и стала смотреть на свое отражение в зеркале.

Уродливая. Очень уродливая.

Уже в детском саду она поняла, что другая. Ни у кого из детей не было кожи такого цвета, как у нее. Но только во втором классе она впервые поняла, что такое отличаться.

Они стояли в раздевалке после урока физкультуры.

– Поедем в Квитсандвику купаться и загорать? – сказала одна из девочек. Потом покосилась на Туне, ухмыльнулась и добавила: – Но тебе, Туне, нельзя с нами, ты и так достаточно загоревшая!

Наступила полная тишина, все смотрели на нее. Она притворилась и как ни в чем не бывало повернулась спиной и сделала вид, что занята складыванием физкультурной формы.

– А что случилось с твоими губами? – продолжила девочка. – Кто-то дал тебе по морде или как? А? – Она передразнила голос в нос Туне.

Они ухмыльнулись, а кто-то громко засмеялся.

В тот вечер она впервые посмотрела на свое лицо в зеркале иначе, чем раньше, и поняла, что они были правы. Она и *правда* другая, *правда* уродливая. Уродливая кожа, уродливые губы, уродливое лицо.

За все эти годы было так много подобных эпизодов. Новая куртка в третьем классе, та самая, которую хотели все, Туне так гордилась ею, а они бросили ее в грязную лужу на школьном дворе. Они выливали молоко ей в рюкзак, добавляли жидкое мыло в лимонад. Однажды самая злостная мучительница из всех девочек, ее звали Лена, заставила мальчика крепко держать Туне, чтобы они смогли напихать ей снега под одежду. Когда Туне заплакала и стала умолять их прекратить, мальчик уткнул ее лицом в холодный снег и держал так долго, что она чуть не потеряла сознание. Руководила всем Лена, как будто давая всем право унижать Туне, чтобы самой выглядеть крутой. Туне никогда ничего не рассказывала ни учителю, ни родителям. Она держала это внутри себя, и единственным способом защититься было избегать их.

Став подростками, девочки начали обнимать друг друга при встрече. Туне не обнимал никто. Она так обрадовалась, когда Лена сделала это пару недель назад. Когда та едва коснулась ее щеки своей, Туне расценила это как неожиданное признание. Но потом Лена отвернулась и прошептала, достаточно громко, чтобы и Туне и все остальные услышали:

– Фу.

Хуже всего было молчание и пренебрежительные взгляды. Они смотрели на нее чуть ли не с отвращением, отворачивались, словно не в силах вынести ее вида. В присутствии учителей они вели себя хорошо и вежливо, так что взрослым было невозможно их раскусить, но в свободные минуты они снимали маску и превращали Туне в объект травли, которую можно высмеивать и закидывать издевательскими замечаниями.

– В чем, черт возьми, твоя проблема, а? – говорили они, когда она обижалась.

Так она и стала *такой*: девочкой с проблемами.

Спасали ее музыка и бег. Отец решил, что у нее талант, и насильно привел на тренировку.

– Ты только посмотри телевизор, – сказал он. – Лучшие легкоатлеты – из Африки.

В машине по дороге домой он широко улыбнулся, похлопал ее по плечу и сказал:

– Я знал, что есть что-то, что у тебя действительно хорошо получается, в чем ты

сможешь занять свое место.

Он не имел в виду ничего плохого, но прозвучало это так, словно он в ней сомневался.

Она обожала бегать, бег дарил ей особое чувство свободы, но больше всего она любила играть на пианино. Она часами упражнялась на новом рояле, который купил ей отец. Рояль стоял в подвале, там она могла быть в полном покое. Ее учитель фортепьяно, Гисле Квамме, просто супер. Он даже уговорил ее сыграть для хора «Десять песен», хотя она долго отказывалась, потому что там будут многие ее одноклассницы.

Это ее папа убедил Гисле переехать в Лусвику. Перед тем как сюда приехать, Гисле работал с молодежью в одной из общин в Олесунне. Отец ничего не сказал, но Туне была уверена, что он сделал это ради нее. Отец руководил правлением молельного дома и считал, что в деревне нужен кто-то, по его выражению, «кто будет держать молодежь подальше от пьянства и наркотиков», как он выразился. Гисле получил место учителя в школе и был привлечен к работе с детьми и подростками в молельном доме. Кроме того, он преподавал в музыкальной школе. Многие девочки из класса начали играть на пианино после того, как он переехал сюда. Несмотря на то, что у них не было никакого таланта.

Туне уставилась в зеркало, и ей захотелось провалиться сквозь землю. Она включила воду, дождалась, пока потечет холодная, наполнила ладони и плеснула ее в лицо. Повторила это несколько раз, насухо вытерлась и вернулась к себе в комнату.

Она увидела, что учитель музыки вышел в «Скайп».

«Привет, Гисле», – написала она.

Ответ пришел незамедлительно.

«Как сегодня дела у суперпианистки?»

«Нормально».

«И только?»

«Соседку убили».

«Да, я слышал об этом. Какой ужас. Что там происходит?»

«Ее ворота оцепили ограждением, прямо как по телевизору показывают».

«Кошмар. Кто мог такое сделать?..»

Туне чуть помедлила и написала:

«Не так уж много людей».

«Ты видела, как ее кто-нибудь навещал? Я думал, она ни с кем не общалась».

«А теперь ты стал любопытным, хе-хе. J»

«Ну скажи же. Ты кого-то видела? Кого?»

«Ох, не хочу говорить об этом».

Прошло чуть больше минуты до следующего сообщения. Оно было про новую композицию для фортепьяно, которую ей нужно немного порепетировать.

«Это самая сложная вещь из тех, что я давал тебе, – написал Гисле. – Но я уверен, что ты справишься».

Какой он классный, всегда так заботится о том, чтобы продвинуть ее, дать ей новые задачи. А еще он верил в нее, с ним она чувствовала себя особенной в хорошем смысле.

Туне улыбнулась, и настроение ее улучшилось.

В этот момент она услышала, что мама зовет ужинать.

«Мне пора есть, – написала Туне. – До скорого J».

Кайса пожалела на следующий же день о том, что она после написания второй статьи для «Суннмёрспостен» об убийстве Сиссель Воге убежала от Карстена. Ее побег ничего не изменил в нем.

Она выглянула в окно в ванной. Пробежка – вот что ей сейчас нужно.

Фьорд был окутан туманом и окружен ливнями. Ветер раскачивал голые безлиственные деревья.

Теа с Андерсом уже пришли из школы. Они сидели за большим обеденным столом и делали уроки. Карстен сидел на полу и играл с Юнасом. Кайса с Карстеном рассказали детям об убийстве Сиссель Воге. Оба слышали раньше об убийстве ее отца. Теа задавала много вопросов, но вскоре стало заметно, что больше она об этом не думает. Андерс – другой, более чувствительный, и Кайса заметила, что после разговора он был задумчивым.

Она немного помешкала, прежде чем войти в комнату.

– Я согласилась продолжать освещать убийство для «Суннмёрспостен». – Карстен не ответил. – Я пойду на пробежку.

Обычно она не сообщала ему об этом, не хотела напоминать о том, чего он делать не может. Но теперь она решила, нет больше никакого смысла «ходить на цыпочках». Больше это не работает.

Выходя из дома, она услышала стук молотка из флигеля. Она пересекла лужайку и просунула голову в дверь. Ей навстречу с оглушительным лаем выбежала собака. В испуге Кайса отпрянула назад.

– Каро! – закричал Вегард Дьюпвик, быстро подбежал к ней, крепко ухватил собаку за загривок и оттащил назад так, что она заскулила. Потом он стукнул собаку по носу, и та взвизгнула. – Лежать! – приказал он, указав на большую собачью подстилку. Собака, поджав хвост, отошла и легла на землю.

– Это что, собака Сиссель Воге? – удивленно спросила Кайса.

– Да, я слышал, что ее собираются усыпить. Я давно думал завести собаку. Она нужна мне для охоты, а элькхаунд идеально подходит. Надеюсь, вы не против? – сказал он, вопросительно взглянув на Кайсу.

– Нет, конечно, – ответила Кайса, про себя подумав, что он мог бы и спросить соседей о собаке немного раньше, а не забирать ее себе самовольно.

Вегард был в самом разгаре работы: покрывал стену покрашенными панелями.

– Как хорошо тут становится, – сказала она.

Он кивнул:

– Да, процесс идет.

Вегард Дьюпвик приехал в Лусвику в отпуск на маленькой яхте прошлой осенью – и остался тут жить. Он был плотником, и у него сразу появилось полно работы в деревне.

Первую зиму он жил на яхте, но она была маленькой и с плохими удобствами на борту. И так как он решил остаться и на эту зиму, ему нужно было найти жилье. Эльзе услышала это в магазине и предложила Кайсе обновить их флигель в обмен на умеренную аренду его Вегарду. Она знала, что Кайса с Карстеном обсуждали возможность утепления флигеля для зимы и сдачи его в аренду. Его размеры были достаточны для маленькой квартирki-студии со спальней, совмещенной с гостиной, кухонным уголком и маленькой ванной.

– Можете въезжать, когда вам будет удобно, – сказала Кайса.

– Да, осталось уже недолго, – улыбнулся он.

Она побежала по дороге мимо магазина, свернув на перешеек, ведущий к пляжу Квитсандвика. Облака, как крышка люка, лежали на горах, усиливая гнетущую атмосферу, окутавшую деревню.

Единственное, о чем говорили люди в магазине, это, конечно же, убийство Сиссель. Кайса заходила за покупками утром в надежде встретить Эльзе. Ее подруга детства знала все и обо всем и тем самым была хорошим источником для журналиста. Но Эльзе заболела.

В магазине было необычно многолюдно: приглушенные голоса и испуганные взгляды свидетельствовали, насколько необъяснимым было то, что случилось. Сначала отец, теперь Сиссель. Есть ли между ними связь? Должна же она быть, два убийства в одном доме, в этой мирной деревне. Бедняжка Сиссель, говорили они. Это совершенно непостижимо. Это, должно быть, кто-то не местный. Это же могли быть два убийства просто-напросто с целью ограбления, совершенные одной из восточноевропейских группировок бандитов, опустошавших деревни в последний год?

Когда Кайса добежала до вершины небольшой горы, ей открылся вид прямо на Атлантический океан. Она продолжила бег по пологому склону вниз и остановилась у забора, когда дорога закончилась. Чуть помедлила, перевела дух, вошла в перекошенные ворота и продолжила бежать по склону, мимо старого сарая, где однажды летним днем два с половиной года назад она рассказала Карстену о своей беременности.

Кайса перешла на маленькие ритмичные прыжки вниз с крутой горки, держа ровный спокойный темп прямо до белого песка, где к ней подкатился океан. Волны с силой бились о берег, смешиваясь с дождем, посылая фонтаны морской воды вверх. Она наполнила легкие пахнущим водорослями воздухом и облизала соль с губ. Несколько овец, стоявших, прижавшись к скале в укрытии одной из множества расселин, пустыми глазами выпучились на нее.

Нигде она не чувствовала себя такой незащищенной, как здесь. В то же время она чувствовала необыкновенный прилив сил, стоя посреди этой чудовищной природной стихии, несмотря на учащенный пульс и разбушевавшуюся молочную кислоту в мышцах ног.

Все будет хорошо, подумала она. Все наладится. Это только вопрос времени.

Выбравшись обратно на дорогу и направившись к дому, она различила дом Сиссель меж струй ливня. Он освещался яркими прожекторами.

Был потрясающий контраст между мертвой женщиной, сидевшей в кресле, празднично наряженной, и той, которую Кайса видела в магазине. Не говоря уже о том, что Бенте описывала ее как серую мышку при жизни ее родителей.

Если убрать то, как искадила ее смерть, должно быть, она было просто очень сексуальной в своем прекрасном платье. Неужели эта старая дева, образец целомудрия, нашла себе любовника и была в ожидании его? Или это был спектакль, она притворялась, будто наряжается для кого-то, жила мечтой об этом в своем одиноком существовании? Она изменилась, когда умерли ее родители, начала жить, как сказала Бенте. А потом обратилась к врачу, потому что лишилась сна, а летом впала в депрессию. Случилось два изменения. Одно положительное. Одно отрицательное. Первое после самого мрачного из всего – смерти отца.

Я должна побольше разузнать о ней, подумала Кайса, сбросив кроссовки перед входной дверью, прислонив их к стене и войдя в дом.

Андерс и Теа сидели на диване, уткнувшись в свои планшеты.

– Вы закончили с уроками?

Они кивнули, не отводя взглядов от мониторов.

– Я сегодня по пути из школы встретил того мужика, который будет жить у нас в пристройке, – сказал Андерс, не поднимая глаз.

– Вегарда?

– Да, он классный.

– Почему же?

– Он припугнул Нилс-Хеннинга.

– За что?

– Нилс-Хеннинг бросил мой рюкзак и толкнул меня, и я упал. И тут Вегард схватил его за куртку и оторвал от земли. Он сказал, что если еще раз сделает что-то подобное, то получит по морде. Довольно круто было, – сказал Андерс, улыбнувшись из-за монитора.

Андерс несколько раз жаловался на этого мальчика. Кайса поняла, что он боится его, и уже подумывала поговорить об этом с учителем. Ну, теперь Вегард все уладил, пусть и не так, как она планировала.

Карстен с Юнасом сидели за кухонным столом и рисовали. На плите варилась картошка.

– Хорошо пробежалась? – спросил он.

– Замечательно.

– Ты и дождь, – сказал он, помотав головой и улыбнувшись.

Она встретила с ним взглядом. Он не отвел глаза, и она подошла к нему, обняла рукой за шею и поцеловала в макушку.

11

Туне бежала трусцой, чтобы успеть на урок фортепьяно. На этой неделе она много репетировала, по три-четыре часа каждый день, и теперь была вся в напряжении, ожидая, что же скажет Гисле.

Она улыбнулась про себя, но улыбка погасла, когда Туне завернула за угол у магазина. Сердце быстро заколотилось.

– Привет, Туне! Куда это ты собралась?

Это были две девочки из ее класса, Лена и Ханна.

– На урок музыки, – ответила Туне.

– Домой к Гисле?

– Да, – прошептала она едва слышно.

– Почему ты ходишь к нему домой? – спросила Лена. – Мы занимаемся с ним только в школе.

Они захихикали. Туне поспешила пройти мимо, не ответив.

– Мы идем на день рождения Кари, – сказала Ханна.

– Разве тебя не пригласили? – спросила Лена с напускным удивлением.

Туне повернулась к ним спиной и поспешила дальше. Она уже и не помнила, когда ее в последний раз приглашали на день рождения. Девушка натянула рукав свитера на ладонь и вытерла им нос и глаза.

Гисле ничего не сказал, когда она пришла, хотя у нее, должно быть, был заплаканный вид. Он сел рядом с ней и подождал, пока она разложит ноты на пюпитре.

Она сыграла две первые страницы, и он не стал переворачивать следующую для нее. Игра была неважной, очень далека от того, как у Туне получалось во время упражнений дома.

Он спокойно положил ладонь на ее руку.

– Туне, – сказал Гисле. – Что случилось?

Ее руки замерли в воздухе. Туне сложила их на колени и опустила взгляд. Гисле приобнял ее за плечи.

– Расскажи мне, что случилось, – сказал он. – Опять девочки?

Слова комом застряли в горле.

– Ты слишком напряжена для игры. – Он поднялся и встал за ее спиной. – Сними свитер, я сделаю тебе массаж.

Помедлив, она сняла толстый свитер, под ним была тоненькая маечка, и он начал массировать шею вдоль края волос, продолжая разговор.

– Что самое прекрасное в музыке, так это то, что она может выразить наши чувства без слов и унести тебя подальше от всех глупостей и трудностей.

Он говорил размеренно тихим голосом, его пальцы надавливали на кожу, и тяжесть в груди понемногу стала отступать.

– Если кто-то говорит о тебе что-то плохое, тебе не должно быть дела, – сказал он. – Ты красивая. Ты многого добьешься. Ты можешь стать пианисткой, жить музыкой, и в один прекрасный день другие девочки будут гордиться тем, что знали тебя когда-то. – Он протянул ей свитер. – Попробуй теперь. – И снова сел рядом.

Что-то произошло, какое-то избавление. Она слилась в одно целое с тем, что творит, и мир со всем его злом исчез.

Несколько секунд после оба пребывали в молчании, и когда Туне взглянула на Гисле, он сидел, закрыв глаза. Открыв их, он посмотрел на нее, широко улыбаясь.

– Потрясающе, – прошептал он.

Ей захотелось прижаться к нему. Она верила в его слова, она сможет стать кем-то, и тогда Лена и Ханна и другие девочки пожалеют. Она больше никогда не позволит себе расстраиваться, когда они будут обижать ее, ведь у нее есть то, чего нет у них: большой талант.

Гисле положил руку ей на плечо, наклонился к ней и обнял.

– Просто превосходно, – сказал он.

По ее телу пробежала слабая дрожь.

– Вот как? Значит, ты начала работать на «Суннмёрспостен».

Эльзе кивнула на стойку с газетами, пробивая товары клиенту. Было время Адвента, и она подавала рождественский глэгг. Пахло гвоздикой, воздух был теплый и влажный от мокрой одежды покупателей.

– Ага, тут все знают все, что им следует знать, как я понимаю, – улыбнулась Кайса.

Эльзе отвела ее в сторону и позвала молодого паренька себе на смену.

– А кто же присматривает за Юнасом, когда ты работаешь? – спросила она.

– У него ведь есть отец.

– Хорошо, пора уже ему взяться за ум.

Кайса оставила это без комментариев. Вместо этого она спросила, хорошо ли Эльзе знала Сиссель.

Эльзе помедлила.

– Нет... Я не вполне могу сказать, что знала ее, но я была одной из тех, кто был более близко знаком с ней, из-за магазина. И еще я помогала ей с некоторыми делами, если она сама не могла справиться.

– С какими, например?

– Связывалась с NAV^[3], отвозила ее к врачу или в Воген, когда ей нужно было за покупками. Машины у нее не было, а на автобусе она ехать не хотела. Еще я ездила с Сиссель в больницу в Олесунн, когда она собиралась проводить исследование желудка. Я не думаю, что она была в состоянии одна выезжать из деревни, – сказала Эльзе.

– Сиссель перестала говорить из-за физической травмы? – спросила Кайса.

– Я точно не знаю... нет, не думаю.

– Я видела ее только однажды, здесь в магазине пару недель назад.

– Да, их семья приехала в Лусвику, когда Сиссель было лет тринадцать-четырнадцать, гораздо позже того, как ты отсюда уехала.

Лицо Сиссель с красным пятном в форме сердца вновь предстало перед глазами Кайсы.

– Пятно на щеке было у нее с рождения? Это родимое пятно?

– Не знаю, – ответила Эльзе. – Скорее похоже на шрам, мне кажется.

– Он был у нее, когда она сюда приехала?

– Да, совершенно определенно.

– Кто еще с ней общался?

– Можешь попробовать поговорить с Юханнесом, по-моему, он немного присматривал за ней, когда умер отец.

– Юханнес ее сосед?

– Да. А когда они были моложе, она также проводила время с Юрунн Шлеттебё. Помнишь ее?

Кайса кивнула.

– Они одного возраста, – сказала Эльзе.

Она также вспомнила красный пиджак, который Сиссель надела на похороны отца. Люди в магазине говорили, что это было странно.

– Она была с причудами, – продолжила Эльзе. – Просто сидела у окна и писала людям письма.

– Письма? О чем же?

– Обо всем для нас странном. Часто это были цитаты из Библии о спасении и покаянии, или она жаловалась на людей, машины, которые слишком быстро проезжали мимо ее дома, например. На детей и подростков, поздно вечером шумевших на гравиевой дорожке. Думаю, кто-то из них дразнил ее, бросал камни в окно, звонил в дверь и убегал, всякие проделки.

– Ты когда-нибудь получала от нее письма?

– О, да, конечно. Много раз.

– О чем она писала?

– Что мне нужно исцеление. Она цитировала Библию, писала что-то в духе, что

гомосексуальность – результат того, что люди отказываются повиноваться богу, что я исцелюсь, если покаюсь. – Эльзе пожала плечами с грустной улыбкой. – Но так думают и многие другие в нашей деревне.

– Много народу получало от нее такие письма?

Эльзе снисходительно улыбнулась:

– Да, едва ли были те, кто *не* получал. Иногда в своих письмах она заходила довольно далеко. Но людям не было до этого дела, и я не слышала, чтобы кто-нибудь получал от нее письма с лета.

– Ты не знаешь, подозревали ли ее в убийстве отца?

– Ну, многие говорили, что у нее были мотивы.

– Правда?

– Он был недобр к ней. Но у нее, конечно, есть алиби, ее не было дома – она гуляла по горам на Квитсандвике в момент убийства. Многие видели ее.

– Я говорила с ее соседями, Бенге и Дагом Рисе. Какие они?

– Богатые, – ответила Эльзе. – То есть это деньги Бенге. Но бизнесмен у них Даг, и он управляет всем богатством. Ребенком он ничего собой не представлял, как говорят. Но теперь он изменился, он молодец, сделал ставку на суда, обеспечивающие нефтяное производство. Сегодня у них одна из крупнейших нефтяных судоходных компаний.

– Какова роль Бенге в компании?

– Очевидно, она все еще имеет большую часть акций, что в высшей степени необычно.

– Почему же?

– Женщины обычно не наследуют судоходные компании и не владеют ими. Но Бенге была единственным ребенком в семье и унаследовала все от отца. Если бы у нее был брат или несколько братьев, вряд ли бы она получила что-нибудь значимое из ценностей. Этот мир принадлежит мужчинам. Бенге сидит в правлении, но у нее пассивная роль во всем этом. Конечно, она получает доходы и дивиденды, во всяком случае, в деньгах они не нуждаются. Даг – один из инвесторов нового отеля. Кстати, семья Рисе очень щедрая, они много сделали для деревни. Хотя этим тоже управляет Даг, как мне кажется.

– Что же он сделал?

– Например, он спонсировал ремонт молельного дома и школы, финансово поддержал молодежную группу в молельном доме, чтобы они смогли купить лодку. Все в таком духе. И еще он учредил фонд в память о Пернилле, девочке, погибшей в автомобильной аварии летом.

Кайса слышала об этом трагическом происшествии. Водитель скрылся с места, и полиция не смогла раскрыть дело. Свидетелей тоже не было.

– Деньги из фонда идут на работу с христианскими детьми и подростками, – продолжила Эльзе. – Да, Даг – это Эспен Аскеладд у нас в Лусвике^[4]. Пришел из ниоткуда, женился на принцессе и получил полкоролевства в придачу. – На лбу Эльзе появилась складка задумчивости. – Я много думала о Сиссель в последние дни. Она просто была здесь, мы принимали, что она не такая, как все, и больше об этом не задумывались. – Она положила ладонь на руку Кайсы и, наклонившись ближе, понизила голос, чтобы никто из других клиентов ее не услышал: – Есть еще кое-что... Это просто слухи, и мне, наверное, не стоило бы об этом говорить, но я слышала намеки, что ее отец имел по женщине в каждой гавани, или, точнее говоря, по женщине в каждом молельном доме.

– Эдакое дополнение к работе странствующего проповедника?

– Да, трудно в это поверить, – сказала Эльзе. – С другой стороны, я хорошо помню, как все девочки влюблялись в проповедников, когда я сама в молодости ходила в молельный дом. Особенно хорошо я помню одного, поющего проповедника, с невероятно красивым голосом, молодого и симпатичного, мастера игры на гитаре. Думаю, в молельном доме было много мокрых сидений каждый раз, когда он был тут. А несколько лет назад его осудили за изнасилование нескольких девочек в Эрста. Они заявили на него, повзрослев.

По пути из магазина Кайса подумала, что она много чего не знает о религиозной среде.

13

Полиция созвала новую пресс-конференцию утром через два дня после того, как в Лусвике узнали об убийстве. На этот раз переговорная в офисе участкового была переполнена. Убийство одинокой женщины, которая была дочерью другой жертвы убийства, еще одно нераскрытое дело, быстро стало крупной национальной темой в СМИ. Кайса узнала нескольких журналистов из столичной прессы, среди них были двое коллег с «Канала 4», журналист и фотограф.

– Я слышал, что мы стали конкурентами, – сказал Эспен, работавший в криминальной редакции канала в Осло.

Кайса только улыбнулась в ответ.

Эггесбё мало чем новым мог поделиться с прессой. Но они получили предварительный отчет по вскрытию. В нем установлено, как и ранее предполагалось, что смерть Сиссель Воге наступила в результате удара по голове тупым предметом. Участковый снова призвал людей сообщать любые сведения, если они у них имеются, даже если они кажутся неважными и не относящимися к делу. Им необходимо располагать бóльшим количеством свидетелей.

Затем на Эггесбё градом посыпались вопросы. Пресса жаждала деталей. Последствия удара, нанесенного тупым предметом, могли быть какими угодно: от раздробленного черепа до небольшого повреждения, едва ли заметного для кого-то, кроме патологоанатома. Кайса знала ответы, но пообещала Эггесбё пока что не сообщать никому ничего. «Ради расследования», – как он сказал.

Эггесбё все больше и больше потел, каждый раз отвечая: «Без комментариев».

Он должен понимать, что отношения между прессой и полицией строятся по принципу давать и брать, подумала Кайса. Пресс-конференция не дала журналистам абсолютно ничего нового. Это было повторение первой. У него будут проблемы с ищейками из Осло, если он в ближайшее время не даст им чего-нибудь нового. Можно будет подумать, не слишком ли трудное для него это расследование? – рассуждала Кайса.

– Правильно ли я понимаю, что вы созвали пресс-конференцию, чтобы не сообщить ничего нового, а только получить помощь прессы? – спросил журналист из «Дагбладет».

– Нам нужна вся помощь, которую мы можем получить от населения, – ответил Эггесбё.

– А когда была убита Сиссель Воге?

– Трудно быть точным, когда труп пролежал так долго, но речь идет как минимум о неделе.

– Орудие убийства?

– Без комментариев.

– Есть ли связь между двумя убийствами?

– Без комментариев.

– Вы блуждаете в потемках? – продолжил другой журналист.

– Нет, этого я не говорил, мы на ранней стадии расследования.

– Эггесбё, – обратился к нему коллега Кайсы с «Канала 4», – у вас есть какие-то конкретные подозрения, кто может стоять за этим и каков мотив?

Взгляд Эггесбё блуждал, и он заглянул в свои бумаги.

– Э... нет, у нас нет подозреваемых, но, как я уже говорил, это...

– Значит, спустя два дня вы не подобрались ближе к раскрытию, кто стоит за убийством или почему убили Сиссель Воге?

– Нет, но у нас есть хорошие перспективы раскрыть дело, – сказал Эггесбё. На его обычно бледных щеках появились красные пятна.

У них ничего нет, подумала Кайса.

Отправив статью под заголовком «УБИЙСТВО В ЛУСВИКЕ: у полиции нет ответов» в главную редакцию «Суннмёрепостен», она уложила Юнаса в коляску и взяла его с собой, чтобы нанести визит Юрунн Шлеттебё, подруге юности Сиссель Воге.

Прямо перед тем как свернуть на дорогу вниз к ее дому, Кайса встретила Туне, дочку Бенге и Дага Рисе. Туне была на пробежке, но остановилась, когда Кайса ее поприветствовала, и подошла к ним. Туне посмотрела на Юнаса, взяла его за ручку, и он крепко ухватился за нее и начал тянуться вперед.

– Он такой милый, – сказала Туне.

Кайсе пришла в голову внезапная идея:

– Мне нужна девушка, чтобы гулять с Юнасом в коляске. Ты не хотела бы иногда работать у нас?

Ей понравилась Туне, в ней было что-то симпатичное. Что-то чистое и невинное, и в то же время по выражению ее глаз она казалась старше, чем на самом деле.

– О да, я с удовольствием, – сказала Туне. Заячья губа становилась менее заметной, когда она улыбалась. – Я вполне могу погулять с ним прямо сейчас. Прогуляюсь немного и уменьшу пульс заодно.

Это очень устраивало Кайсу, теперь она сможет спокойно поговорить с Юрунн Шлеттебё.

Маленький терьер завилял хвостом, увидев Кайсу, когда Юрунн Шлеттебё открыла дверь. Хозяйка хвостом не виляла. Напротив, она выглядела удрученной. Кайса помнила ее красавицей: худенькая, южанка по наружности, но с необычайно голубыми глазами. Теперь она выглядела старше своего возраста, с лишним весом и неухоженными длинными волосами.

– Ты конечно же знаешь о случившемся, – начала Кайса.

Юрунн тяжело опустилась на диван, сделав пригласительный жест в сторону стула напротив, и начала скручивать сигарету. Курение – это последнее, чего от нее могла ожидать Кайса.

– Я работаю фрилансером для «Суннмёрспостен», – сказала она, – и пытаюсь нарисовать портрет Сиссель. Я слышала, что ты хорошо знала ее прежде.

Юрунн зажгла сигарету, сделала глубокую затяжку и медленно выпустила дым.

– Давно это было.

– Когда вы были молоды?

– Да.

– Какой она была?

– Доброй, *слишком* доброй.

– У меня сложилось впечатление, что она была совершенно несамостоятельной.

– Да, она делала все так, как ей велели родители. – Интонация Юрунн Шлеттебё имела язвительный оттенок.

– Печальная жизнь, – сказала Кайса в попытке нащупать почву.

– Да, писать тут почти не о чем.

– Посмотрим, – ответила Кайса. – Ты потеряла с ней связь, когда вы стали старше?

– Да, она не хотела ни в чем участвовать. Или, может быть, ей не разрешали.

– Родители?

– Отец. – Юрунн Шлеттебё сплюнула табачную крошку. – Он был настоящим мешком с дерьмом. И еще... – Она секунду помедлила, прежде чем продолжить: – Как будто он ревновал ее.

– Ревновал? К кому же?

– Ко всем, с кем она проводила время, особенно к Юханнесу, их соседу. Сиссель часто была с ним, но отец терпеть его не мог.

– Почему?

– Просто Педер был таким человеком.

– Сиссель с Юханнесом встречались?

– Этого я не знаю.

– Может быть, они излишне оберегали ее, потому что любили, боялись за нее, как часто делают родители?

– В таком случае это была забота, которая ничего хорошего ей не принесла. Она уничтожила ее.

– Уничтожила?

– Я иногда видела Сиссель в магазине и молельном доме после того, как мы закончили среднюю школу, но было совершенно невозможно поддерживать с ней связь, когда она перестала говорить. Кроме того, она никогда не бывала одна, отец всегда шел за ней по пятам.

– Ты помнишь, когда она перестала разговаривать?

– В последний год средней школы. В то время она много болела.

– Что с ней случилось?

– Думаю, это что-то психологическое, ее несколько месяцев не было в школе в последнем полугодии. Ходили слухи, что ее клали в то или иное место. – Юрунн Шлеттебё с силой затушила сигарету в пепельнице. – Многие сейчас могут пожалеть.

– О чем же?

– Что мы ничего не сделали. Мы же видели синяки.

– Он ее бил?

– Да, но она никогда не хотела говорить об этом, – сказала она и выпустила дым вверх.

Туне стояла около дома, когда Кайса и Юрунн Шлеттебё вышли на лестницу. Она держала на руках Юнаса. Кайса поспешила попрощаться и спустилась к ним.

– Он начал плакать, и я подняла его из коляски, – сказала Туне. – Надеюсь, я правильно поступила.

– Конечно, ты молодец, – улыбнулась Кайса и увидела, что Туне просияла.

Юнас громко запротестовал, когда его посадили обратно в коляску, но замолчал, когда они покатали его вверх по дороге.

– Ты сказала, что Сиссель была доброй, – спросила Кайса. – Ты хорошо ее знала?

– Нет, не очень, совсем немножко, – ответила Туне. Она немного покусала нижнюю губу, прежде чем ответить. – Многие не любят... ну, вы знаете, не любят тех, кто отличается. Но Сиссель всегда была очень милой со мной, с самого моего детства. В живой изгороди между нашими домами есть дырка, и когда я была маленькой, я часто там стояла. Если она замечала меня, будучи в саду, всегда подзывала меня к себе и давала шоколадку, а иногда какие-нибудь вещи. Однажды она подарила мне большую мягкую игрушку, я все еще храню ее.

– Сиссель говорила с тобой?

– Нет, я не помню, чтобы она когда-нибудь говорила, только улыбалась, сажала меня на колени и гладила по голове.

Кайса рассказала, что собирается продолжить работать для «Суннмёрспостен», и поэтому ей нужна помощница, которая сможет гулять с коляской и разгрузит Карстена по вечерам и, может быть, на выходных. Иногда Кайсе придется проводить целые дни на работе, до вечернего дедлайна. Перед тем как расстаться, Кайса спросила Туне, сможет ли та сообщить, если увидит что-нибудь интересное для нее как для журналиста, так как она ближайшая соседка Сиссель.

Туне пообещала сделать это, и они обменялись мобильными.

В тот вечер Кайса написала статью для завтрашнего выпуска газеты о социальной изоляции Сиссель Воге. Она описала, как Сиссель начала отдаляться от других в подростковом возрасте и перестала говорить, и что она пользовалась записной книжкой, чтобы общаться с людьми, и что ее редко видели, только в молельном доме или в магазине, но часто наблюдали, как она подолгу гуляла одна в горах и вдоль берега моря.

Кайса попросила Бенте дать интервью, но она не захотела. Может быть, это ее муж воспротивился? Тем не менее Кайса получила разрешение цитировать Юрунн Шлеттебё, если та останется анонимом. Словами «но подруга детства не знает, почему Сиссель Воге перестала разговаривать» Кайса завершила статью. Она не стала писать о ее родителях, так как оба они мертвы и не смогут себя защитить от критики Юрунн Шлеттебё.

Завтра она попытается получить интервью с соседом Юханнесом. Возможно, он знает больше.

«Молодая девушка не может перестать разговаривать без причины», – подумала Кайса.

В те периоды, когда отец не пил, он был как все другие отцы. Тогда он компенсировал все зло и был очень любящим и заботливым. Он превращался в Лучшего Папу в Мире, который водил их в церковь, участвовал в Армии спасения, читал вечерние молитвы вместе с ними и рассказывал, как сильно любит их, гладя по головам и обнимая. Они ходили в долгие путешествия на лыжах с апельсинами и «Kvikk Lunsj»^[5], разжигали костры и жарили

сосиски, ездили в воскресные поездки на машине вдоль фьорда.

В такие моменты лицо матери смягчалось. Может быть, именно это и давало детям понять, как сильно она страдала: огромный контраст между этой мягкостью, улыбкой, делавшей ее такой красивой, и молчаливой серьезной женщиной, которой она становилась, без сопротивления принимая все, что он говорил, и все, что причинял ей.

Когда отец был трезв, он молил о прощении, и мама говорила:

– Мы все понимаем, что ты не хотел этого.

– Обещаю больше не пить, – говорил он и засыпал ее подарками – украшениями, духами, одеждой. – Отныне ни капли больше, – провозглашал он.

Они так сильно хотели ему поверить, но слишком хорошо знали, что это только вопрос времени, когда он уйдет в новый запой с беспричинными, необъяснимыми приступами ярости.

В то же время эти хорошие периоды были необходимой передышкой, они создавали иллюзию нормальной жизни, не дающую им опуститься на дно, дающую время собраться и силу терпеть все плохие дни, когда они возвращались и детям приходилось искать убежище в укрытии в лесу.

Удивительно, что никто не обратился в Организацию по охране детства или в полицию, ведь они жили бок о бок с другими людьми и все по соседству должны были знать, как обстояли дела у них дома. Или, может быть, именно в этом и была причина, почему никто ничего не предпринимал. Все было слишком близко, было бы неприятно оказаться тем, кто сообщил. Наверное, это также было не совсем безопасно, учитывая необузданную ярость того человека.

Но была одна женщина, которой было не все равно. Одинокая фрекен Бьельке в инвалидной коляске, живущая прямо напротив, часто приглашала детей к себе. Когда отец приходил домой пьяным и дети убегали из дома, нередко случалось, что она подходила к двери и звала их к себе. Никогда ничего не говоря, не спрашивая, она всегда делала им толстые бутерброды – всегда с коричневым сыром и вареньем – и накрывала на стол перед телевизором в гостиной, садилась вместе с ними, не приставая с расспросами.

Но сочувственное выражение лица выдавало ее: она все знала, и когда они собирались домой, она брала девочку за руку и шептала:

– Просто приходите сюда.

На следующее утро во время завтрака у Кайсы зазвонил телефон. Это была Туне.

– У Юханнеса полиция, – запыхавшись, выпалила она до того, как Кайса успела сказать «привет».

– Ты видишь, что там происходит?

– Они только что зашли в дом.

Кайса спросила, сможет ли Туне снять фото мобильным телефоном.

– У меня есть хороший фотоаппарат, – ответила та.

Они договорились, что Туне перезвонит до того, как уедет в школу, если случится что-нибудь важное.

Через четверть часа она снова была на связи и рассказала, что полицейские забрали Юханнеса на своей машине. Туне и Кайса договорились встретиться около школы, чтобы Кайса смогла забрать флешку с фотографиями, так как времени загрузить их в компьютер и переслать по электронной почте у Туны уже не было.

Жалкая кучка журналистов и фотографов стояла около входа в офис участкового в центре коммуны Воген. Была безветренная ясная ночь, а всего час назад сырой туман опустился с моря, принеся с собой ледяной ливень.

Кайса спросила коллегу из «Суннмёрспостен», что случилось.

– Ничего, – ответил он, потирая нос. – Нас выгнали на улицу.

– Новички, – фыркнул журналист из «ВГ». – Нас, черт подери, не пускают внутрь, какая-то офисная дамочка говорит, что все, кто работает над делом, заняты и что никаких новостей нет. Они могли бы, по крайней мере, послать кого-то сюда, чтобы поговорить с нами. В этой тьмутаракани никто и понятия не имеет, насколько важно для полиции иметь хорошие отношения с прессой.

Некоторое время они стояли и болтали, но по-прежнему ничего не происходило, и Кайса забежала в цветочный магазин на первом этаже, под офисом участкового. Она была знакома с владелицей и попросила зайти в их туалет.

Он находился в заднем коридоре. Кайса пробежала мимо двери, за которой снаружи стояли все журналисты, и поднялась по лестнице.

– Ну и ну, привет, Кайса! Это ты?

Это была Мабель, хорошая знакомая Кайсы, сидевшая за стойкой. Она была, как обычно, многословна, спрашивала, как они поживают и как дела с Карстеном.

– Как ужасно, что в Лусвике произошло еще одно убийство, – сказала она. – Рада, что не живу тут. Люди, должно быть, до смерти напуганы, что среди них разгуливает убийца.

Кайса кивнула.

– Слушай, мне нужно быстро переговорить с Эггесбё. Ты могла бы устроить это?

– Он очень занят...

– Это важно и займет всего минуту.

– Ладно, я посмотрю, что смогу сделать, – сказала Мабель. – Ведь об этом просишь ты.

Она постучала в дверь и вошла. Сразу вслед за этим показался Эггесбё. Он посмотрел на Кайсу, сильно нахмутив брови.

– Я знаю, чего ты хочешь, – начал он, прежде чем она успела сказать что-либо. – Ты свидетель и не можешь писать о том, что ты видела или слышала на месте происшествия.

– Ну, пресса ищет встречи со свидетелями, но я могу не называться «свидетелем», – сказала она, пальцами сложив кавычки в воздухе. – Я не могу бесконечно молчать о том, что знаю. Но мы можем заключить договор. Я не буду писать об этом при условии, что вы предупредите меня заранее перед тем, как надумаете выступить с той информацией, которую я уже знаю.

Эггесбё задумчиво посмотрел на нее и сказал:

– Отлично. Но ты слышала, что я сказал вчера на пресс-конференции. Мне нечего добавить сегодня.

– А как же Юханнес?

Эггесбё строго посмотрел на нее.

– Откуда ты знаешь? – Но не услышав ответа, он вздохнул. – Да, он в участке на допросе.

– Что у вас есть на него, кроме той соседской ссоры?

– Так вы и об этом знаете? Да, да... Ну, мы просто говорим с ним. Ничего больше.

Темнокожий полицейский, который был с Эггесбё в тот день, когда Сиссель нашли убитой, вышел из одного из кабинетов. Он протянул руку Кайсе.

– Руне Лауритсен, – представился он на отчетливо слышном олесуннском диалекте, говоря в нос. – Приятно познакомиться.

– Лауритсен начал работать у нас пару недель назад.

Полицейский извинился, что не представился ей в прошлый раз, когда они виделись.

– Я был совершенно не в себе от того ужасного зловония, – смущенно признался он.

Кайса улыбнулась и ответила, что хорошо понимает его.

Она спросила, где он живет, и он пояснил, что снимает дом в Лусвике. Он был очень высоким, выглядел натренированным, с короткими темно-каштановыми кудрями. Кайса находила его привлекательным, в его карих глазах было что-то живое и теплое. Наверное, это его первое дело об убийстве, подумала она, потому что его ладони были влажные от пота и во время разговора он несколько раз провел пальцами по своим волосам.

Он никогда не встречал Карстена, но, конечно же, знал, кто он такой и что с ним случилось.

– Сейчас нам очень пригодился бы такой специалист, как он, – сказал полицейский. – Надеюсь, скоро он будет готов выйти в бой.

Кайса ответила, что тоже надеется на это, Карстен постепенно поправляется.

СОСЕД ПРИВЛЕК ВНИМАНИЕ ПОЛИЦИИ

Кайса изучала заголовок. Нет, так будет слишком просто идентифицировать Юханнеса. Она изменила его на:

ОДНОСЕЛЬЧАНИН ЗАДЕРЖАН НА ДОЛГИЙ ДОПРОС

и написала дальше:

По данным «Суннмёрспостен», житель Лусвики сейчас находится на допросе у полиции в Вестёй. Полиция не раскрывает подробностей ввиду дальнейшего расследования, но судя по всему, мужчина был в конфликте с семьей жертвы убийства.

Она не стала упоминать, с чем была связана их ссора. Расследование еще на ранней стадии, нельзя так близко подходить к Юханнесу. Он мог быть невиновен.

Соседская ссора, психиатрия или, может быть, алкоголизм, подумала Кайса. Комбинация, которая могла сделать его убийцей? Не так уж и невероятно.

В конце концов она выстроила статью, опираясь на уже известную информацию об убийстве и Сиссель, и ее отца, перед тем как отослать рукопись в редакцию в Олесунн. Она приложила фотографию, где Юханнес выходит из машины, которую сделала Туне, и попросила их скрыть его лицо. Вдобавок она достала относительно новое фото Сиссель

Воге. Эльзе сделала его во время празднования Иванова дня летом. Ей удалось уговорить Сиссель пойти посмотреть на большой костер на конце мола. Новость о соседе на допросе вместе с новыми фотографиями обеспечит ей первую страницу в утренней газете.

– Он – тот самый?

Карстен стоял, заглядывая ей через плечо.

– Не уверена.

– Потому что...

– Он терпеть не мог Педера Воге, но зачем убивать Сиссель? Он же злился на отца, а не на нее.

– Может быть, он убил отца, а она его подозревала или знала что-нибудь об этом. Она могла быть опасна для него. Убийства часто совершаются, чтобы скрыть другое преступление.

– Возможно. Но почему сейчас, спустя год после убийства отца?

Карстен поставил костыли к кухонному столу и сел напротив.

– Она нарядилась, – сказала Кайса. – Интересно, зачем.

В его глазах мелькнул проблеск интереса:

– Нарядилась?

Кайса рассказала Карстену, как выглядела Сиссель. Эту информацию знали только Кайса, Бенге Рисе, врач и полиция.

– Выглядело так, словно она кого-то ждала.

– Гм... И кто бы это мог быть?

– Вот именно. Может, это и был Юханнес? – Кайса взяла лежащую на столе резинку и собрала волосы в хвост.

Карстен погладил себя по щетине:

– В большинстве случаев убийца – кто-то из семьи или из ближайшего круга.

Кайса представила себе место происшествия, описала его Карстену и закончила рассказом о детской одежде.

Карстен протянул руку через стол и сжал руку Кайсы, и она почувствовала близость между ними, как теплое одеяло вокруг тела.

– Она могла быть больна психически, думать, что у нее есть ребенок. Или притворяться, – предположил он.

– Во всяком случае, она жила вне общества, – заметила Кайса. – Может быть, кто-то чувствовал, что она угрожала ему своими письмами, вдруг она увидела что-то, сидя в своем кресле у окна.

– Да, недурная мысль, – отозвался Карстен.

– Иду! – крикнула Кайса, услышав звонок в дверь.

Она сбежала с лестницы и открыла дверь. Там стоял Юханнес.

Кайса не успела среагировать, и он резко наклонился к ней. Она отпрянула назад. Юханнес последовал за ней, тыча указательным пальцем ей в грудь и стараясь что-то выговорить. Получались только шипящие звуки. Когда она попыталась увильнуть от его руки, он крепко схватил ее за запястья.

– Че... чертова дерьмова журналюга! – прокричал он. – Э... это б... был не я!

Карстен тенью показался наверху лестницы и закричал Юханнесу, чтобы тот прекратил. Краем глаза Кайса заметила, что он двигался вниз, но остановился посреди лестницы, перегнувшись через перила.

Он не сможет помочь мне, в испуге подумала она. В этот же миг за спиной Юханнеса показалась фигура. Это был Вегард Дьюпвик, их арендатор. Перед тем как Юханнес понял, что произошло, Вегард уложил его на пол.

– Э... это... б... бы...

Юханнес застонал. Он лежал на животе и сопел, а Вегард стоял, прижав колено к его спине, скручивая ему руки сзади.

Карстен уже успел спуститься вниз и приобнял Кайсу.

Когда Юханнес успокоился, Вегард позволил ему сесть, прислонившись к стене, но не убирал руки с его плеча.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Лосиная лайка.

Привратница, консьержка (*фр.*).

N A V – норвежская служба занятости и благосостояния населения.

Герой норвежских фольклорных сказок, который всегда выручал всех из беды и всем помогал.

Шоколадки, которые норвежцы традиционно берут с собой в лыжные походы.